

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии *New York Times*

КАРЕН УАЙТ

*Духи Рождества
на Трэдд-стрит*

«Романтичная история, что согреет вас
даже в самые холодные вечера»

Entertainment Weekly

TRADD STREET. КНИГА 6

Tradd Street

Карен Уайт

Духи Рождества на Трэдд-стрит

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уайт К.

Духи Рождества на Трэдд-стрит / К. Уайт — «Эксмо»,
2019 — (Tradd Street)

ISBN 978-5-04-174955-2

Духи Рождества на Трэдд-стрит (Трэдд-стрит #6) Карен Уайт Накануне Рождества Мелани и Джеку очень не хватает праздничного настроения. Прямо в саду их дома идут раскопки старинной цистерны. Для города эта находка уникальная, но Мелани, наделенная даром медиума, беспокоится, что вмешательство живых растревожит призраков. Добавляют проблем еще и слухи, что во время раскопок могут найти драгоценности, привезенные когда-то в Америку из Франции самим маркизом де Лафайетом. Сокровищами желают завладеть не только ученые... ШЕСТАЯ КНИГА ЦИКЛА РОМАНОВ О МЕДИУМЕ МЕЛАНИ ИЗ ЧАРЛЬСТОНА. Романы цикла можно читать по порядку или как самостоятельные истории. «Карен Уайт – королева атмосферного южного романа. Цикл романов "Трэдд-стрит" – бесспорное тому доказательство». – Bustle «Очарование старинных южных домов и дрожь от происходящих в них жутковатых событий... Карен Уайт никогда не разочаровывает своими сюжетами». – Crimespree Magazine «Романтическая история, что согреет вас даже в самые холодные вечера». – Entertainment Weekly

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174955-2

© Уайт К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	54
Глава 8	59
Глава 9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Карен Уайт

Духи Рождества на Трэдд-стрит

Karen White

THE CHRISTMAS SPIRITS ON TRADD STREET

Copyright © Harley House Books, 2019

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis

Перевод с английского Татьяны Бушуевой Художественное оформление серии Сергея Власова Оформление переплета Дмитрия Сазонова В оформлении переплета использована фотография:

© Fusionstudio / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Harley House Books, 2019 This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis

© Fusionstudio / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Зарубежный
романтический
бестселлер*

Ч и т а й т е в с е р и и

САРА ДЖИО

*Ежевичная зима
Фиалки в марте
Соленый ветер
Последняя камелия
Утреннее сияние
Лунная тропа
Тихие слова любви
Среди тысячи лиц
Назад к тебе
Сладко-горькая история*

КАРЕН УАЙТ

Романы о медиуме
МЕЛАНИ МИДДЛТОН
(TRADD STREET SERIES)

*Особняк на Трэдд-стрит
Девушка с Ледгар-стрит
Незнакомцы на Монтегю-стрит
Возвращение на Трэдд-стрит
Гости на Саут-Бэттери
Духи Рождества на Трэдд-стрит*

КАРЕН УАЙТ

*Духи Рождества
на Трэдд-стрит*

МОСКВА
2022

Посвящается реальному Ричу Кобилту, разрешившему мне использовать его имя, и да, на самом деле он носит ремень

Глава 1

Я открыла глаза. Я была в моей спальне в доме на Трэдд-стрит. В щели в деревянных ставнях пробивались стрелы.

Окутанные туманной дымкой силуэты церковных шпилей на фоне темно-лилового неба – лучшее объяснение тому, почему Чарльстон называют Священным городом. На рассвете эти острые шпили – знакомое зрелище для тех, кто любит встать пораньше, чтобы насладиться утренней прохладой, пока летняя жара и влажность не вступили в свои права, или сквозь опоры моста через реку Купер полюбоваться красотой восходящего солнца, или послушать щебетание и крики тысяч птиц и стрекот насекомых, населяющих наш край.

Другие, такие как я, просыпаются рано только для того, чтобы ночь быстрее закончилась, чтобы успокоить тайные движения неугомонных мертвецов, блуждающих в самые темные часы между закатом и восходом солнца.

Я лежала на боку. Рука Джека бережно обнимала мою талию, моя собственная рука утонула в мягком меху на пузе Генерала Ли. Его храп и мягкое дыхание моего мужа были единственными звуками в старом доме, хотя на данный момент в нем обитают двое взрослых, три собаки, девочка-подросток и полуторагодовалые близнецы. Я никогда не считала мириады духов, что мирно расхаживали по коридорам дома. За последние несколько лет я изгнала не очень хороших и примирилась с другими, которые были готовы мирно существовать рядом с нами.

Тишина. Вот что меня разбудило. Или нет, не совсем так. Точнее сказать – отсутствие звуков. Как если бы между нажатием на спусковой крючок и мгновением, когда вылетит пуля, кто-то затаил дыхание.

Стараясь не разбудить Джека и Генерала Ли, я осторожно высвободилась из-под простыней. Генерал Ли тотчас же занял мое место рядом с Джеком. Джек даже не пошевелился, и я на миг задумалась о том, стоит ли расценивать это как оскорбление. Взяв айфон, я выключила будильник, поставленный на пять утра, – кстати, он показывал четыре сорок шесть, – затем прошла через всю комнату к своему старомодному будильнику, который держала на всякий случай. Джек заставил меня избавиться от еще двух дополнительных, которые я раньше расставляла в разных местах комнаты, обвинив меня в попытке каждое утро будить мертвых. Нашел кого учить!

С тех пор как я была маленькой девочкой, духи умерших вечно пытались заговорить со мной, вовлечь меня в свои незаконченные дела. Я находила способы – чаще всего с помощью песен квартета *ABBA* – хотя бы частично заглушать их голоса, но время от времени один голос звучал громче других. Обычно из-за того, что дух кричал мне в ухо или же толкал меня с лестницы, отчего я при всем желании не могла его игнорировать.

Включив на телефоне фонарик, я, спотыкаясь, проследовала в ванную комнату, тихонько проклиная свою сводную сестру Джейн и лучшую подругу Софи Уоллен-Араси за то, что обе были причиной моих предрассветных блужданий. После рождения близнецов Джей-Джея (Джека-младшего) и Сары две эти особы задались целью привести меня в идеальную физическую форму. Что включало в себя пичканье меня едой, которую я не дала бы даже своей собаке, – нет, я пыталась, но Генерал Ли вечно воротил нос и уходил прочь, – и заставляли меня бегать по утрам.

Хотя я обычно бегала неторопливой трусцой, по словам Софи, это упражнение требовало большего количества энергии, нежели та, которую обеспечивали посыпанные сахарной пудрой пончики, отчего я потела даже больше, нежели считала необходимым. Особенно во время влажных летних месяцев: когда я наклонялась, чтобы завязать кроссовки, по моему лицу и шее ручьем стекал пот.

Едва проснувшись, я натянула штаны для бега, которые Нола подарила мне на последний день рождения, сказав, что они преследуют двойную цель: во-первых, они модные, во-вторых, функциональные, поскольку втягивают в себя все, отчего ваши ягодицы выглядят так, будто они всю жизнь принадлежали бегуну. Я пыталась сказать Джейн и Софи, что благодаря таким чудо-штанам можно и не бегать, но они лишь, не мигая, уставились на меня, а затем вернулись к разговору о том, как им выделить время для следующего Забега По Мосту, который должен состояться весной.

Я на цыпочках вернулась в спальню, заметив, когда потянула за край футболки, что та надета наизнанку, и остановилась у кровати полюбоваться мужем, с которым прожила меньше двух лет. Мое сердце сделало то же самое сальто, что и в тот самый первый раз, когда я встретила автора бестселлеров, писателя, мастера документально-криминального жанра Джека Тренхольма. Тогда я подумала, что он слишком красив, слишком обаятелен, слишком самоуверен и слишком меня раздражает и что таким лучше восхищаться издалека или, по крайней мере, держать на расстоянии вытянутой руки. К счастью для меня, он был иного мнения.

Мой взгляд переместился на видеоняню на прикроватной тумбочке. Сара аккуратно спала на боку, ее плюшевый кролик – подарок Софи – был зажат под мышкой. Остальные мягкие игрушки были расставлены вокруг кровати в определенном порядке, который понимали только Сара и я. Мне пришлось объяснить Джеку, что животные расположены по рисунку и цвету меха, от самого светлого до самого темного. Я уверена, что делала в детстве то же самое, потому что, как я объяснила, мне было важно упорядочить окружающий мир.

В соседней кровати, раскинув руки и ноги под разными углами, спал на спине близнец Сары, Джей-Джей. Его мягкие игрушки и его любимый венчик для взбивания сливок – даже я не могла объяснить его привязанность к этому предмету кухонной утвари – были беспорядочно разбросаны вокруг его маленького тельца. Мои пальцы тотчас зашевелились. Я даже заставила себя задом наперед молча повторить слова аббовской «Танцующей королевы», лишь бы не войти в детскую. Меня так и тянуло аккуратно расставить в кровати игрушки, а сына уложить в угол кровати и накрыть одеялом.

Этот навык я приобрела по настоянию Джейн. Она была профессиональной няней, что означало, я полагаю, что она знает все лучше всех нас. По ее мнению, моя заикленность на порядке граничит с ОКР и не обязательно идет детям на пользу. В моей заикленности на порядке не было абсолютно ничего плохого, поскольку она помогла мне пережить детство с отцом-алкоголиком и оставившей меня матерью, но я слишком сильно любила своих детей и потому была вынуждена прислушаться к мнению Джейн.

Тем не менее я не стала отказываться от маркировочного пистолета и приняла меры, а именно: надежно припрятала его, чтобы он не «исчез», как два предыдущих.

Я смотрела на своих милых малышей на мониторе. Мое сердце снова сжалось, и у меня на миг перехватило дыхание. «Как же мне повезло, – подумала я, что я встретила Джека, – или, как он настаивал, это он встретил меня, – а затем стала матерью этих двух чудесных малышей!» Дополнительным и приятным бонусом к нашему уравнению была шестнадцатилетняя дочь Джека, Нола, которую я любила, как собственного ребенка, даже несмотря на ее настойчивые требования убрать из кухни три мои главные группы продуктов – сахар, углеводы и шоколад.

– Доброе утро, красавица, – пробормотал Джек, глядя на меня сонными темно-синими глазами. Генерал Ли неожиданно всхрапнул. – Идешь на работу?

До замужества я всегда вставала еще до рассвета, чтобы первой прийти в офис «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит. Но теперь у меня была причина подольше остаться в постели, а Джек лежал в ней и выглядел куда привлекательнее, чем бег по улицам Чарльстона. Конечно, переночевать в темнице в подвале здания Старой биржи тоже было бы приятней пробежки, но все же.

– Еще нет. Встречаюсь с Джейн на пробежке.

Встав возле кровати, я наклонилась и поцеловала Джека в губы. Я целовала его достаточно долго – хотела увидеть, подаст ли он хоть какие-то признаки того, что он хочет, чтобы я нырнула обратно ему под бочок. Увы, Джек лишь снова закрыл глаза и прижал Генерала Ли еще крепче к груди, чем вызвал у меня непривычный укол ревности.

Я тихонько закрыла дверь спальни и остановилась в коридоре, прислушиваясь. Даже тиканье старых напольных часов показалось мне приглушенным, как будто его заглушало нечто невидимое. Нечто такое, что ждет. Освещавшие коридор ночники – пережиток того времени, когда Джейн жила с нами, и наша уступка ее страху перед темнотой и тем, что таилось в ней, – отбрасывали тусклый свет на закрытую дверь спальни Нолы.

Она спала в гостевой комнате, так как сразу после мартовской вечеринки по случаю первого дня рождения близнецов я решила, что ее спальню нужно отремонтировать. Проходя мимо нее к лестнице, я ощутила укол вины, вспомнив темную фигуру, которую видела в окне спальни Нолы на снимке, сделанном одной из студенток Софи, Меган Блэк, которая раскапывала цистерну, недавно обнаруженную в саду позади дома. Меган сделала фото и показала его Джеку и мне. Мы оба увидели темную фигуру человека в старомодной одежде, держащего что-то похожее на ювелирное украшение. Но я была единственным человеком, кто заметил в окне Нолы это лицо.

Недавно столкнувшись в доме Джейн на Саут-Бэттери с духом, на редкость злобным и мстительным, я пока не нашла в себе сил вступить в схватку с еще одним. Хотя мы и обещали друг другу быть открытыми и честными во всем, я пока ничего не сказала Джеку, убедив себя, что подниму этот вопрос, как только пойму, что психологически готова. Это было восемь месяцев назад, но я ограничилась тем, что перевела Нолу в гостевую комнату и поговорила с несколькими декораторами.

Я подавила зевок. «Еще одна неделя», – подумала я. Еще одна неделя ежечасных трудов ради того, чтобы выполнить свою квоту продаж в «Бюро недвижимости Гендерсона» и вновь попасть в список лидеров. Это было важно не только по причине чувства гордости, но и потому, что нам нужны были деньги. Тогда у меня будет достаточно энергии и клеток мозга, чтобы понять, кто эти новые духи, и заставить их уйти. Желательно без боя.

Вот тогда я и расскажу Джеку о том, что я видела, а еще о том, что я уже решила проблему, и ему не о чем беспокоиться. С него хватало своих забот: он работал с новым издателем над книгой о моей семье и о том, как Джейн стала владелицей дома на Саут-Бэттери.

Я вошла в кухню. В животе у меня заурчало. Я потянулась за коробкой мюсли и киноа на полках кладовой, намереваясь проверить мой тайник с пончиками. Увы, вместо знакомого коричневого бумажного пакета я обнаружила коробку с питательными батончиками – без сомнения, столь же вкусными, как и картон, в который они были упакованы. Спереди клейкой лентой была прикреплена написанная почерком Нолы записка: «Лучше попробуй их! В них есть шоколад и девять граммов протеина!»

Единственная причина, почему я не расплакалась, были счастливые видения: вот я бегу наверх и вытаскиваю Нолу из постели раньше, чем она просыпалась хотя бы раз, начиная с младенчества. Пробили напольные часы, сообщив мне, что я уже опаздываю. Обедя напоследок глазами кухню в поисках моего пакета с пончиками, я вышла из дома через черный ход, так ничего и не съев. Если я на полпути потеряю сознание от голода, Нола, возможно, сжалится надо мной и принесет мне пончик.

Внезапно осознав, что тишина последовала за мной наружу, я остановилась на крыльце. Ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Никакие уличные звуки не проникали в некогда пышный сад, который мой отец тщательно восстановил в соответствии с первоначальным планом Лутрела Бриггса.

Вскоре после того, как обильные весенние ливни залили большую часть сада, обнаружилась древняя цистерна. Налетев на нее, как коршун, Софи объявила сад зоной археологических раскопок и огородила его желтой лентой. Спустя несколько месяцев мы все еще лицебезили за нашим домом разверстную дыру. И я по-прежнему ощущала рядом с собой чье-то присутствие. Оно продолжало ускользать от меня, оставаясь где-то на периферии моего зрения. Тень, которая исчезала всякий раз, когда я поворачивала за угол, и только запах гнили – единственный намек на то, что она вообще была здесь.

Пятясь назад, чтобы не поворачиваться к зияющей дыре за спиной, я направила стопы к передней части дома. При этом я только дважды споткнулась о неровные плиты, которые были такой же неотъемлемой частью района Чарльстона к югу от Брод-стрит, как и кованые ворота, и жуки пальметто.

– Вот ты где! – крикнул голос с другой стороны улицы. – Я думала, ты меня продинамишь.

Я прищурилась, пытаюсь разглядеть фигуру на обочине. Наверно, зря я не надела контактные линзы. Носить их постоянно я не любила, а то, что я не надевала их, бегая по утрам, избавило меня от необходимости видеть свое отражение без макияжа в зеркале ванной этим ранним утром.

– Доброе утро, Джейн, – проворчала я. Надеюсь, она понимает, что я отноюсь не в восторге от утренней пробежки. Особенно когда в спальне меня ждет более приятная альтернатива спортивным упражнениям.

Я уже вспотела от одной только мысли о четырехмильной пробежке. Хотя на дворе стояло начало но-ября, а мать-природа дразнила нас прохладными днями, когда нам пришлось вытаскивать шерстяные свитера, ртуть сделала еще один неожиданный скачок. Температура воздуха и точка росы скакнули вверх, как будто лето решило вернуться и еще немножко помучить нас.

Хотя Джейн уже пробежала несколько кварталов по влажной жаре от своего дома на Саут-Бэттери до меня, она почти не вспотела, а ее дыхание было медленным и ровным. Мы только недавно познакомились: в свое время нашу общую мать убедили, что ее вторая дочь, родившаяся через восемь лет после меня, умерла при родах. За эти месяцы мы с Джейн сблизились. Возможно, нашей дружбе способствовало то, что у нас обеих была способность общаться с мертвыми – черта, унаследованная от нашей матери.

– Куда ты хочешь побежать сегодня утром? – спросила она, труся на одном месте. Вид у нее был слишком бодрый.

– Вернуться домой не вариант?

Она засмеялась, как будто я пошутила, и побежала трусцой в сторону Ист-Бэй. Я попыталась догнать ее и наконец поравнялась с ней, пока она бежала посередине улицы. В это время дня куда безопаснее отскакивать от проезжающих мимо машин, нежели подвергать опасности лодыжки, которые можно запросто вывихнуть на старых неровных тротуарах.

– Детектив Райли сегодня бежит с нами? – спросила я, тяжело дыша.

Ее щеки вспыхнули румянцем, и я поняла: вовсе не из-за бега.

– Не знаю. Я неделю не разговаривала с ним.

– Вы поссорились?

– Можно сказать и так.

Ее эмоции как будто подпитывали ее шаги, и она помчалась вперед. Лишь поняв, что оставила меня позади, она притормозила, чтобы я могла ее догнать.

– Что... случилось? – Мне было трудно одновременно дышать и говорить, но я должна была знать. Я познакомила Джейн с детективом Томасом Райли, и с тех пор, как в начале года мы с Джейн вместе с нашей матерью отправили восвояси неуравновешенных духов, населявших ее дом, они были парой.

– Я сказала ему, что хочу открыто помогать людям общаться с их ушедшими близкими. На что он сказал, что это плохая идея, потому что вокруг много чокнутых, которые будут ломиться в мою дверь.

Я искоса посмотрела на нее.

– Странно. Он не испытывал... подобных сомнений... когда спрашивал меня о некоторых из... своих нераскрытых дел.

Недавно я подумывала о сотрудничестве с детективом Райли по делу студентки, пропавшей без вести и исчезнувшей из комнаты общежития Чарльстонского колледжа в 1997 году.

– Это потому, что ты работаешь инкогнито. Я же хочу дать рекламу. Мама сказала, что будет рада поработать вместе со мной. Она считает, что и тебе пора перестать делать тайну из своих способностей и работать с нами.

Сказав это, Джейн снова рванула вперед, но на этот раз я была уверена: это потому, что она не хотела услышать мой ответ. Можно подумать, я могла что-то ответить, когда мои легкие были готовы разорваться.

Упорно трусая следом за ней, я свернула налево, на Ист-Бэй и, когда мы приблизились к Куин-стрит, почти догнала ее. Для этого мне пришлось обогнуть кучу гниющего ресторанного мусора на тротуаре, ожидавшего, когда его оттуда вывезут. Я едва волочила ноги: от сильной влажности они стали как будто свинцовыми, дыхание сделалось прерывистым. В животе у меня урчало, и я тут же мысленно просчитала свой маршрут. В попытке самосохранения я свернула налево, на Хейзелл-стрит, даже не мучаясь вопросом, сколько времени потребуется Джейн, чтобы заметить, что я пропала. Взяв курс домой, я побежала в сторону Кинг-стрит, где свернула направо. Заветная цель была все ближе и ближе, и даже мои шаги сделались намного легче.

Заметив на Кэлхуне зеленый свет, я едва не перебежала улицу к «Глазированным пончикам». Я уже была готова к тому, что как только я подбегу к двери, появится Джейн и уведет меня. Вместо этого я вдохнула в себя райский аромат свежесдобитых пончиков и восхитительный запах кофе, который нежно обнимал меня и приглашал зайти внутрь. На миг приторнозвонив у входа, я глубоко вздохнула и вдруг услышала позади себя чей-то кашель.

Я повернулась, чтобы извиниться за то, что загородила вход, но тотчас замерла, разинув рот. Не потому, что высокий темноволосый мужчина, стоявший позади меня, мог претендовать на звание самого сексуального мужчины по версии журнала *People*, и не потому, что он улыбался мне не просто со случайным интересом – его темно-карие глаза светились каким-то внутренним весельем. И не потому, что на нем был обтягивающий спортивный костюм для бега, эффектно облегающий мускулистую грудь, а сам он дышал немного чаще, чем обычный пешеход, хотя, как и Джейн, казалось, что он почти не вспотел. Я уставилась на него, потому что видела его раньше. Не только в то утро, и не только в магазине пончиков, но и в городе несколько раз за последние пару недель, когда бегала трусцой по улицам Чарльстона, или же спешила куда-то по делам, или ездила на показы домов по всему городу.

До этого момента, пока мы не оказались всего в считанных дюймах друг от друга, это не казалось мне странным. Чарльстон – маленький город, и нет ничего удивительного в том, что время от времени сталкиваешься с одним и тем же человеком. Но не каждый день. Я моргнула, гадая, что еще в нем привлекло мое внимание. Я поняла, что именно, когда дверь за его спиной открылась и появилась Джейн, покрасневшая и несколько не раздраженная.

– Я знала, что найду тебя здесь, – сказала она, шагнув мимо мужчины, и встала передо мной. Без сомнения, это была попытка запугать меня. Что довольно трудно сделать, учитывая, что мы с ней одного роста.

Я снова посмотрела на мужчину.

– Вы случайно не родственник Марка Лонго? – спросила я, надеясь, что он скажет «нет». Марк был мужем моей кузины Ребекки, а после того, как он украл идею для книги Джека, стал

заклятым врагом моего мужа. Мы все еще не оправились от финансовой и профессиональной подножки, которую Марк подставил Джеку. Кроме того, Марк был занозой в заднице нашего коллективного благополучия, поскольку в настоящее время пытался вырвать у нас согласие на съемки фильма в нашем доме на Трэйд-стрит, фильма по роману, идею которого он украл у Джека. Вот такой наглый, самоуверенный тип. Тот факт, что когда-то я встречалась с ним, также не вызывал у Джека симпатии к нему.

– Родственник, – сказал он, и на миг в его глазах промелькнула тень. – Я Энтони Лонго, младший брат Марка. А вы Мелани Миддлтон, – добавил он и протянул мне изящную руку.

– Теперь я Мелани Тренхольм, – поправила я его и немного поколебалась, прежде чем ответить на его рукопожатие.

Он улыбнулся.

– Не волнуйтесь. У нас со старшим братом общие только фамилия и наши родители. – А вы, две красивые женщины, – сказал он, повернувшись к Джейн, – должно быть, родственницы. Двойняшки?

Я была готова улыбнуться комплименту, но все же сдержалась. Поскольку не сомневалась: он уже точно знал, кем мы приходимся друг другу. У Энтони Лонго с братом общим было не только происхождение и фамилия.

Джейн протянула ему руку. И, прежде чем я успела зажать ей рот, она заявила:

– У вас очень темные волосы. Каштановые. – Она быстро моргнула и опустила руку. – Я хотела сказать... да, у вас есть волосы. Что ж, приятно познакомиться. – Ее лицо стало пунцовым. – Я принесу нам кофе с пончиками, – сказала она, повернувшись ко мне.

– Извините, – сказала я, глядя ей вслед. – Моя сестра Джейн не имеет большого опыта общения с противоположным полом. Она бывает косноязычна, когда имеет дело с привлекательными мужчинами.

Энтони засмеялся глубоким, грудным смехом.

– Тогда я принимаю комплимент.

Я отступила назад, чтобы увеличить расстояние между нами и позволить какой-то паре войти в магазин. Боже, как мне хотелось возненавидеть его с первого взгляда, но я не спешила, поскольку в нем было что-то симпатичное. Он был галантен, как и Марк, но без той слащавой самовлюбленности, которую Марк источал каждой своей клеточкой. Я встретила прямой взгляд Энтони.

– Вы бежали следом за мной?

Энтони сделал большие глаза. Интересно, я и вправду застала его своей откровенностью врасплох или он просто притворяется?

– Может, лучше сядем и поговорим? – предложил он вместо ответа.

Затем протянул руку к столику на тротуаре, и я пошла вперед.

Мы сели как раз в тот момент, когда подошла Джейн с пакетом и двумя стаканчиками кофе. Энтони тотчас встал и взял у нее кофе, а Джейн прижала к себе пакет с пончиками.

– Вы не едите пончики? – спросила она у Энтони и быстро покачала головой. – Я имею в виду, я не дам вам пончиков.

Он тепло улыбнулся. Меня же так и тянуло пнуть его и сказать, что никакая смазливая внешность и обаяние ему не помогут.

– Дома меня ждет вкуснейший протеиновый коктейль, так что все в порядке, спасибо.

– Она не поделится, – выдавила Джейн, еще крепче прижимая к себе пакет. Похоже, нам еще придется поработать над развитием навыков социального взаимодействия с мужчинами. Мне казалось, что ее отношения с Томасом Райли были хорошим знаком того, что она излечилась от своей патологической неловкости, но, похоже, я ошибалась. Очевидно, ее опыт ограничивался только Томасом, а сейчас перед ней был другой мужчина.

Улыбка Энтони слегка померкла. Он вопросительно взглянул на меня, словно нуждаясь в подтверждении того, что Джейн его не укусит.

– Похоже, она имеет в виду меня. Я ни с кем не делюсь своими пончиками, и если кто-то попытается их взять, он рискует потерять палец, – сказала я и даже не улыбнулась, пытаясь показать ему, что не шучу.

Выжидающе глядя на пакет, я сделала глоток кофе. Но Джейн крепко прижимала пакет к груди. Похоже, она решила использовать пончики в качестве своеобразного залога, пока я не закончу пробежку.

– Итак, – сказала я, – почему вы меня преследовали?

Энтони приподнял бровь.

– Преследовал? Едва ли. Скорее, искал возможность подойти к вам, чтобы никто из ваших друзей, родственников или коллег не заметил. Это очень сложно сделать. Вы – движущаяся цель.

Я огляделась по сторонам. Какое счастье, что мы в общественном месте и что со мной Джейн. В моей голове уже начали звенеть колокола тревоги, те же самые, что звонили, когда Софи или мой мастер на все руки Рич Кобилт хотели со мной поговорить. Обычно это предвещало нечто малоприятное – вроде жуков-древоточцев в досках пола столовой – и всегда что-то такое, чего я не желала слышать, например, стоимость ремонта.

– Так почему вы хотели меня видеть? – спросила я.

– Я хочу заключить с вами уговор.

– Уговор? – повторила Джейн.

Энтони подался вперед.

– Возможно, вы в курсе, а может, и нет, что я владею плантацией Магнолия-Ридж, или, как ее сейчас называют, Галлен-Холл. Раньше она принадлежала семье Вандерхорст, той самой, что когда-то владела вашим домом на Трэдд-стрит. Еще в двадцатых годах ее приобрел на аукционе мой дед, но вскоре после этого продал, а несколько лет назад ее купил Марк. Если вы помните, мой дед – тот самый человек, останки которого нашли под вашим фонтаном.

Как будто такое можно забыть! Я застыла, стараясь не вспоминать грозного призрака Джозефа Лонго и не думать о том, что его тело было похоронено в моем саду вместе с телом бывшей хозяйки, Луизы Вандерхорст.

– Понятно, – сказала я, не зная, к чему он клонит, но будучи совершенно уверена в том, что мне не хочется двигаться в этом направлении.

– Возможно, вы также помните, что несколько лет назад мы с Марком, основали винодельню на участке вокруг плантации.

– Смутно припоминаю.

Тревожные колокола зазвучали еще громче. Джек недавно прочел мне – не без злорадства – статью в «Пост энд курьер» о том, что некий член семьи Лонго обвиняет Марка в мошенничестве и грозит ему судебным иском.

– Так вот, мой дорогой брат прекрасно знал, что земля не годится для виноградника. Более того, он скрыл от меня этот факт, когда сказал, что готов великодушно продать мне свою долю, – мол, для меня это будет крайне выгодная сделка. – Энтони машинально сжал кулаки. – Выгодная сделка на бесполезной земле.

– Как некрасиво с его стороны, – сказала Джейн тоном, похожим на тот, которым она говорила, когда разнимала близнецов. Или гасила споры между Джеком и мной. В конце концов, она же профессиональная няня.

– Можно сказать и так, – согласился Энтони, одарив Джейн благодарной улыбкой. Она покраснела и восстановила неторопливое дыхание.

– Но какое отношение это имеет ко мне? Он женат на моей кузине, но мы не близки.

– Знаю. Вот почему я подумал, что нам нужно поговорить. – Он наклонился очень близко ко мне. – Похоже, у нас обоих своя претензия к моему брату.

– Неужели? Если вы имеете в виду карьеру Джека, то он только что подписал новый контракт на написание двух книг и усиленно работает над новой. Марк поставил нам подножку, но это дело прошлое.

– Разве? Мне казалось, Марк задумал снять свой фильм у вас дома.

– Верно. И я полагаю, Джек сказал ему, куда ему идти с этой его идеей.

Энтони довольно улыбнулся.

– Не сомневаюсь, что так оно и было. Мне ни разу не доводилось встречать вашего мужа, но я слышал, как Марк разглагольствует о нем, чтобы понять, что они отнюдь не друзья.

Джейн покашляла.

– Можно сказать и так, – сказала я. – Именно поэтому мы оставили прошлое в прошлом и движемся вперед.

– Как жаль, что Марк не в курсе.

Теперь тревожные колокола звонили так громко, что я была уверена: в ресторане все их слышат.

– Что вы имеете в виду?

Энтони наклонился еще ближе.

– У Марка много... связей. Он имеет большое влияние, в том числе в издательском мире. Новый договор Джека может оказаться не таким уж железным, как вы думаете.

– Это смешно, – процедила я сквозь зубы. – Он подписал его и получил аванс. Сейчас он работает над книгой, и у его издателя большие планы на этот счет.

Энтони медленно покачал головой.

– Марку все равно. У него есть... способы получить то, что он хочет.

– И чего же он хочет?

– Ваш дом.

– Мой дом? Мы его не продаем. И не собираемся. Мы вложили в него слишком много средств, чтобы расстаться с ним.

Я вспомнила призрак Луизы Вандерхорст, которая наблюдала за нами, вспомнила запах роз, предупреждавший нас о ее присутствии. Вспомнила старого Невина Вандерхорста, завещавшего мне этот дом, зная, что, пока я жива, мы с домом должны быть вместе. Или, как сказал Джек на нашей свадьбе, возможно, даже дольше.

Энтони улыбнулся, но я не назвала бы эту улыбку дружеской.

– Скажите мне, Мелани. Вам хватало бы денег, если бы не доходы Джека? Я уверен, он получает гонорары за свои предыдущие книги, но без новой книги продажи его старых книг падают, не так ли?

Я подумала о том, как ради сохранения дома нам пришлось занять денег у Нолы, у которой было несколько прибыльных продаж авторской музыки. Это была ссуда, и мы еще не вернули ее.

Я хотела было сказать «нет», но Джейн пнула мою ногу под столом.

– Это не ваше дело, – медленно произнесла она, словно хотела убедиться, что правильно выбирает слова.

– Верно, – согласилась я. – Это не ваше дело.

Я встала. Джейн последовала моему примеру. Энтони отодвинул стул и тоже встал, преграждая нам путь к двери.

– Что, если скажу, что могу помочь вам переиграть Марка и в то же время заработать хорошие деньги?

– Что вы имеете в виду?

– Марк нашел нечто, что убедило его в том, что в мавзолее на кладбище Галлен-Холла спрятано нечто ценное. Но он не может получить туда доступ.

– Почему? – спросила я, хотя при упоминании мавзолея я поняла, почему.

– Я знаю, что вы можете говорить с мертвыми, – едва слышно произнес он.

Джейн тихо ахнула, а я смерила Энтони недовольным взглядом.

– Не знаю, где вы это слышали...

– Конечно, от Ребекки. Я знаю, что во сне к ней приходят предчувствия, – она даже рассказала мне о тех, которые касались меня. Но она сказала, что ваши способности гораздо сильнее, что вы действительно можете разговаривать с мертвыми.

– Боюсь, она ошибается. – Чтобы обойти Энтони и получить доступ к двери, я придвинула свой стул к столу и увидела, как Джейн делает то же самое. – Мне пора. Извините, ничем не могу вам помочь.

Мы успели пройти всего несколько шагов, когда он за нашей спиной сказал:

– Я слышал о цистерне в вашем саду за домом... о том, что несколько аспирантов, назначенных проводить там раскопки, отказываются туда возвращаться. Мне было любопытно, поэтому я кое-где покопался. Вы знаете, откуда взялись кирпичи?

У меня по затылку пробежал холодок. Я вспомнила призрак человека на фотографии: он стоял у края зияющей дыры, держа в руках что-то вроде ювелирного украшения. Вспомнила я и ту угрожающую ауру, которая наполнила мой дом и двор с тех пор, как была обнаружена эта цистерна.

– Нет, – сказала я, и мой голос чуть дрогнул. – И мне все равно.

Мы уже подошли к двери, когда Энтони крикнул нам:

– Они из старого мавзолея на кладбище Галлен-Холл. Я думал, вам будет интересно знать. Так, на всякий случай.

Я повернулась к нему лицом.

– На какой такой всякий случай?

– На тот, если вы что-нибудь найдете... неожиданно в вашей цистерне.

Джейн толкнула дверь и легким толчком в спину выставила меня на теплый утренний воздух. Я обернулась, чтобы посмотреть, пойдет ли Энтони за нами, и поймала себя на том, что таращусь в стеклянную дверь магазина. Только вместо собственного отражения я отчетливо увидела в ней призрак джентльмена в старомодном галстуке и пиджаке, который смотрел на меня пустыми черными глазами.

Глава 2

Я только что закончила сушить волосы в ванной, когда вошел Джек. Пижамные штаны низко съехали на его стройных бедрах. При виде его рельефного пресса под гладкой кожей я чуть не уронила фен. Его темные волосы живописно торчали во все стороны, чего, я уверена, иным моделям приходится добиваться великим трудом, а щетина на подбородке делала его идеальной иллюстрацией фразы «сражающий наповал».

Он включил душ и снял пижаму. Глядя на меня в отражении зеркала, он подошел ко мне сзади и, приподняв мне волосы, прильнул к моей шее жарким поцелуем.

– Неужели это великолепное создание действительно моя жена?

Я не сразу обрела голос.

– Тебе нравится мое платье?

Вообще-то я собиралась сказать не это, но, похоже, сказывалось дурное влияние Джейн.

– Ммм, – промурлыкал он, зарываясь носом мне в волосы. Его руки заскользили по красной ткани, обтягивающей мои бедра. – Мне больше всего нравится то, что внутри него.

Его зубы нашли мочку моего уха. Я тихонько ахнула.

– Не советую практиковаться на мне в диалогах для книги.

Джек продолжал покусывать нежную кожу моего уха.

– Обожаю воссоздавать диалоги настолько достоверно, насколько это возможно.

Он притянул меня к себе и прижал к груди: его интерес к вещам, иным, нежели диалог, был очевиден.

Хотя большинство клеточек моего мозга быстро прыгало с корабля в воду, некоторые из них продолжали цепляться за память о моем предыдущем разговоре с Энтони Лонго.

– Как продвигается твоя книга? Надеюсь, хорошо?

Его язык проделывал интересные движения за моим ухом, от которых, как он знал, я была без ума.

– Ага.

– Больше никакого кризиса?

– Не-а, – ответил Джек, обдав мою влажную кожу теплым дыханием. Я едва не растаяла. Но, как собака в кость, вцепилась в слова Энтони.

– То есть у тебя нет проблем с новым агентом или издателем?

Он поднял голову и развернул меня к себе лицом.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что...

Я искала нечто максимально приближенное к истине, чтобы меня нельзя было обвинить в уклонении от разговора, к которому когда-нибудь придется вернуться.

– Потому что сегодня утром я думала о том, как же я счастлива, что живу в этом доме с тобой и нашей семьей и что наши родители живут так близко от нас. Что мне не терпится увидеть, как наши дети вырастут в этом доме. Мне просто интересно, в порядке ли наше финансовое положение? Нет, я имею неплохое представление о том, какие суммы лежат на наших банковских счетах и что у нас есть в инвестициях, но я просто хочу убедиться, что ничего не упускаю. Не знаю, смогу ли я пережить еще один ужас, как то уже было раньше, и я не хочу просить Нолу снова выручить нас. Это несправедливо по отношению к ней.

Взгляд Джека стал серьезным.

– Раз уж мы договорились быть полностью честными друг с другом, я говорю, что у нас все в порядке. Если мы будем придерживаться бюджета, который мы с тобой разработали, а эта книга в соответствии с ожиданиями издателя будет хорошо продаваться, возможно, мы даже сможем продвинуться вперед. То, что моя мать взяла на себя оплату обучения Нолы в «Эшли-

Холл», было огромным подспорьем, а благодаря тем двум большим продажам, которые ты совершила в прошлом месяце, мы оказались в плюсе. Ты ведь знаешь, что в любой момент можешь заглянуть в ящик моего стола, где я храню все наши финансовые отчеты. Честность прежде всего, правда?

Я кивнула. Мой взгляд скользнул к его губам, потому что я не могла встретиться с ним взглядом, да и потому, что его губы были намного интереснее, чем этот разговор.

– То есть нам не понадобятся деньги, которые Марк бросает нам в лицо, чтобы мы согласились снимать здесь его фильм.

– Пока нет. Это, конечно, может измениться, но я скорее предпочту, чтобы все неприятные призраки, которых ты прогнала, вернулись и гремели цепями, чем соглашусь на его предложение.

Я отважилась посмотреть ему в глаза.

– Не говори этого вслух. Никогда не знаешь, кто может это услышать.

Наклонив голову набок, как это делал Джей-Джей, когда наблюдал за Сарой, Джек спросил:

– Ты чего-то мне не договариваешь?

– Может быть.

Он вопросительно приподнял бровь.

«*Всего еще одна неделя*», – подумала я. Еще одна неделя домашнего покоя и семейных радостей. Еще одна неделя, чтобы привести свою жизнь в порядок, прежде чем я попытаюсь выяснить, что таится у меня на заднем дворе. И кто поселился в спальне Нолы.

– Может быть? – эхом повторил Джек.

– Я не могу рассказать тебе о твоём рождественском подарке. Или мне не позволено хранить его в секрете?

Он нежно поцеловал меня в губы.

– Можешь попробовать. Но у меня есть способы узнать все твои секреты.

– Неужели? – спросила я.

Его телефон, оставленный на стойке, запищал. С надеждой взглянув на него, Джек снова повернулся ко мне, но не раньше, чем я заметила в его глазах тень разочарования.

– Кто это был? – спросила я, хотя на самом деле я хотела знать, кто это *не был*. Прямо перед тем, как мы узнали, что Марк украл у Джека идею книги и уже подписал крупный издательский контракт, агент и редактор Джека перестали отвечать на его телефонные звонки. Во второй раз за день в моей голове зазвонили колокола тревоги. Джек ответил не сразу.

– Мама. Я ей перезвоню.

– Ты ждал звонка от кого-то еще... – начала я, но мои слова поглотил его поцелуй.

– Давай узнаем, водонепроницаемое это платье или нет.

Его слова утонули в изгибе моей шеи. Джек затащил меня в душ. Мой разум был опасно близок к тому, чтобы окончательно оставить меня, но каким-то чудом этого не случилось, что заставило меня задуматься, что, собственно, он пытается от меня утаить.

* * *

Когда я толкнула входную дверь, в доме моей матери на Легар-стрит звучали женские голоса. Этот дом принадлежал ее семье на протяжении нескольких поколений, но после развода моих родителей наше владение на несколько лет стало собственностью миллионера из Техаса. Моя мать, бывшая оперная дива Джинетт Приоло, в свое время бросившая семью, и Софи все еще усердно трудились над удалением «творческих штрихов», нанесенных дому предыдущим владельцем, но по крайней мере дом снова вернулся в семью. Мать вновь вышла замуж за моего отца, в тот же день, когда я вышла замуж за Джека, и теперь родители, похоже,

купались в супружеском блаженстве в доме, в стенах которого я родилась и прожила первые шесть лет моей жизни.

Я последовала на звук голосов в гостиную, где в лучах утреннего солнца сверкали великолепные от пола до потолка витражи. Несколько лет назад мы с Джеком обнаружили спрятанный в витражном стекле секрет, который привел нас к разгадке старинной семейной тайны, но теперь я видела лишь красоту окна и то, как оно как будто магнитом влекло меня в гостиную. А может, причиной тому было резкое падение температуры или легкий запах «Ванильного мускуса».

Примерно полтора десятка женщин расположились в гостиной на диванах и стульях. Мебель, недавно избавленная от чехлов с принтом леопарда и зебры, в которые нарядили ее бывшие владельцы дома, теперь была восстановлена в исторически точной (и современно дорогой) шелковой обивке в кремовых и нежно-голубых тонах.

Я знала, что увижу Веронику Фаррелл в этой группе, еще до того, как заметила ее рыжие волосы. Аромат духов ее погибшей сестры уже предупредил меня, что она будет там, хотя, если честно, я не ожидала ее увидеть на собрании по сбору средств для рождественского ужина и школы «Эшли-Холл». Ее дочь Линдси была близкой подругой и одноклассницей Нолы, но с тех пор, как я категорически отказалась помочь ей общаться с ее покойной сестрой Адриенной, – а затем и вообще получила в свой адрес угрозы ее мужа Майкла, – я ее больше не видела. Даже на школьных мероприятиях мы всегда оказывались на противоположных сторонах зала, хотя я затрундняюсь сказать, по чьей инициативе.

– Мелли! – сказала моя мать. Ее стройная фигура плыла ко мне в море синего шелкового шифона. Глядя на нее, вы бы никогда не дали ей ее шестьдесят шесть лет. Только ей и Джеку разрешалось называть меня Мелли. Когда-то это имя действовало мне на нервы, отчего Джек любил дразнить меня им, но теперь я находила его даже милым. Мать поцеловала меня в щеку, а моя свекровь, Амелия Тренхольм, неизменно элегантная владелица магазина «Антиквариат Тренхольмов», встала и с доброй улыбкой поприветствовала меня.

Две женщины с детства были подругами, обе учились в школе «Эшли-Холл», поэтому было логично, что они войдут в комитет. Но не имело никакого смысла другое – то, как они взяли меня за локти, как будто боялись, что я сбегу. Уловив запах корицы и кофе, я подумала, не потому ли они пытаются удержать меня, чтобы я не бросилась к угощениям, расставленным на чиппендейловском серванте из красного дерева.

Взгляды собравшихся были прикованы ко мне. Мама между тем начала речь:

– Дамы, могу я привлечь ваше внимание? Теперь, когда моя дочь здесь, я думаю, что мы начнем с важного объявления.

Я осторожно попыталась высвободиться, но две женщины крепко держали меня. Мне не давал покоя вопрос, стоит ли мое бегство той сцены и тех комментариев, которые я буду слышать еще долгие годы? Мама заговорила дальше:

– Дорогая подруга Мелани, доктор Софи Уоллен-Араси, профессор сохранения исторического наследия в местном колледже, не смогла быть сегодня с нами, но она любезно предложила свою кандидатуру и кандидатуру Мелани в качестве руководителей мастер-класса по плетению рождественских венков в этом году.

Она выдержала паузу и услышала удивленные вздохи собравшихся – разумеется, мой был самым громким, – а затем продолжила:

– Она также согласилась возглавить украшение домов, где будет проходить ужин, и даже пообещала проследить за тем, чтобы все материалы и методы изготовления рождественских венков и украшений были аутентичными и соответствовали эпохе Войны за независимость, которая является нашей темой в этом году. Как вы все знаете, в прошлом году на семинаре был проведен крупный сбор средств, и с этими двумя талантливыми женщинами у руля мы рассчитываем удвоить наши доходы.

Я повернулась к матери, намереваясь высказать все, что я думаю по поводу плетения исторических венков, но мои слова утонули в аплодисментах. Никогда бы не подумала, что такие стройные и хорошо причесанные женщины способны издавать такой шум.

Прибытие еще одной опоздавшей заставило всех обернуться. Моя кузина Ребекка Лонго была в своем традиционном наряде: розовое платье, розовые туфли и розовая оправа для очков. Я была почти уверена: в оправе у нее стоят линзы без диоптрий, но она носит очки просто как модный аксессуар. На руках у нее была ее собачонка Пуччи, тоже во всем розовом. У Пуччи и Генерала Ли был недолгий, но бурный роман, в результате которого на свет появился помет щенков, двое из которых – Порги и Бесс – теперь принадлежали Ноле. Технически они принадлежали Джеку и мне, поскольку были свадебным подарком, но когда Нола бывала дома, они повсюду неотвязно следовали за ней, как если бы она регулярно купалась в крепком говяжьем бульоне, и никогда не выпускали ее из поля зрения. Каждый день, когда Нола уходила в школу, они устраивали по ней короткий траур.

– Извините, что опоздала, – объявила Ребекка. – Мне пришлось приготовить целых три филе-миньона, прежде чем я смогла добиться нужной температуры, подходящей для Пуччи. Я жутко измучена, а сейчас еще только десять! – Тяжело вздохнув, она грациозно опустилась на новый диван и одарила присутствующих ослепительной улыбкой.

– В комитет может записаться любая выпускница, – тихо сказала Амелия, предвидя мой вопрос. Я кисло улыбнулась Ребекке, и она улыбнулась мне в ответ. Бледность ее кожи вызвала у меня некоторое злорадное удовлетворение – причиной тому было солнце. Его лучи пробивались сквозь витражи, заливая помещение оранжевым светом, превращая светлые волосы Ребекки в ржавые.

Мама повернулась ко мне.

– Может, ты все-таки сядешь, чтобы мы могли начать работу с подкомитетами и решить, кто возглавит сбор средств?

– Я выдвигаю Софи, – процедила я сквозь стиснутые зубы.

– К сожалению, она никогда не училась в «Эшли-Холл», – сказала мама, подталкивая меня к дивану.

Я уже была перед ним, когда поняла, что там уже сидит Вероника Фаррелл. Было уже слишком поздно менять направление и искать другое место, не показавшись грубой. Вероника мне понравилась, и в принципе я была не против сесть рядом с ней. Но вот призрачный силуэт сестры у нее за спиной напрочь отбил у меня это желание. Я была готова сесть где угодно, кроме угла комнаты.

Амелия начала ходить по комнате, раздавая бланки.

– Пожалуйста, напишите вверху страницы свое имя, если вы хотите отвечать за сбор средств. Затем внизу, пожалуйста, укажите свое имя под тремя наиболее предпочтительными комитетами, в которых вы хотели бы состоять, и добавьте звездочку, если вы желаете возглавлять комитет. У нас уже есть две замечательных главы комитетов по плетению рождественских венков, но я уверена, что они будут признательны вам за помощь. И мы ожидаем, что все запишутся как минимум в два комитета, даже если вы уже председатель одного. – Амелия улыбнулась мне. Ее взгляд был прикован к моему лбу, как будто она боялась встретиться со мной взглядом и признать, что она причастна к моему выдвижению на этот пост. Я знала: это все козни матери, но я все равно считала Амелию виновной, как ее подругу.

Вероника наклонилась ко мне.

– Я хотела бы записаться на должность председателя комитета по украшению домов, поэтому, если вы запишетесь в этот комитет, я позабочусь о том, чтобы у вас были задачи попроще. Я знаю, насколько вы заняты. – Она улыбнулась, и я улыбнулась в ответ, в надежде на то, что она мила со мной не только потому, что еще не закончила просить меня о помощи.

– Спасибо, – сказала я.

Нас окутал сильный запах «Ванильного мускуса». Голова Вероники дернулась вверх, и я поняла: она тоже его уловила. Я быстро посмотрела на листок у себя на коленях, сделав вид, что изучаю его.

– Она здесь, да? – шепнула Вероника. – Каждый раз, когда я чувствую запах ее духов, я знаю, что она рядом.

– Кто она? – спросила я с притворным равнодушием.

Вероника просто смотрела на меня с упреком в глазах.

– Вы, наверное, уже в курсе, – сказала она, помолчав, – что ваша сестра Джейн разговаривала с детективом Райли и предложила помочь... возобновить расследование убийства Адриенны. Как мать и сестра, я уверена, вы понимаете, почему я это делаю. Я не могу смириться с тем, что не знаю, что произошло... особенно, если есть другие способы раскрыть это преступление. – Она мягко улыбнулась. – Я просто хотела сказать вам это, потому что не хотела, чтобы между нами возникла неловкость. Наши дочери – хорошие подруги, и мы будем часто встречаться. Я бы хотела, чтобы и мы дружили.

– Я только «за», – сказала я, почувствовав, как призрак удаляется, и сдержала вздох облегчения. – Ладно, – сказала я, чтобы сменить тему, – тогда я запишусь в комитет по украшению домов. Хотя вам не кажется, что руководить мастерской по плетению рождественских венков – это само по себе наказание?

Она фыркнула от смеха, разбудив тем самым воспоминания о нашей совместной работе над историческим проектом в колледже. Я вспомнила, что мне нравился ее грубоватый смех, смех, которому другие люди невольно улыбались, потому что он нес в себе настоящую радость и счастье. Я тоже вспомнила, как завидовала ее смеху, потому что на тот момент у меня не было причин смеяться.

Я попыталась сосредоточиться на оставшейся части собрания, гадая, как скоро я смогу спланировать хитрый заговор, чтобы отомстить Софи за то, что та выдвинула меня в председатели мастер-класса. Мои мысли блуждали. Я даже подумала, а не положить ли мне на деревянные полы в столовой ламинат. Или не подарить ли ей щенков.

В мои размышления вклинился голос матери:

– Кто-нибудь еще желает принять у себя гостей на ужин? – она многозначительно посмотрела на меня, но я сделала вид, будто не слышала вопроса. Она знала, что чересчур бурная деятельность в доме порой может потревожить духов. А там было два духа, которых мне никак не хотелось тревожить. Первой руку подняла Вероника.

– У меня дом в викторианском стиле на Куин-стрит. Я была бы счастлива принять у себя участников исторического ужина.

Сделав запись в блокноте, Амелия одобрительно улыбнулась Веронике.

– Спасибо. У нас есть пять домов. Нам просто нужен еще один, где подадут основное блюдо. Желательно один из самых грандиозных и недавно отреставрированных. Это помогло бы продать больше билетов, а чем больше билетов мы продадим, тем больше денег соберем для «Эшли-Холл».

Послышался одобрительный шепоток, и я ощутила на себе не одну пару глаз. Стараясь не выдавать своих чувств, я нарочито медленно заново скрестила ноги, поправила юбку и обвела взглядом боковые столики, рассчитывая увидеть, где может быть спрятан кофейный торт – я уже проверила буфет и увидела там только кофейные чашки и высокий кофейный сервиз. Недоеденный кусок Вероники лежал на столике перед нами. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не схватить его и запихнуть себе в рот.

Ребекка встала.

– Мы с Марком хотели бы пожертвовать двадцать тысяч долларов. – Широко улыбнувшись, она повернулась, чтобы принять аплодисменты, и ее взгляд наконец остановился на мне. Меня тут же замутило. – Но с одним условием.

Перед чем продолжить, она выждала несколько мгновений, и за эти томительные секунды у меня свело живот.

– Мы пожертвуем деньги при условии, – продолжила она, не отрывая от меня взгляд, – что Тренхолмы согласятся провести у себя часть ужина. А чтобы не взваливать всю тяжесть на Мелани, я обещаю помочь ей с украшением дома.

Последовал еще один неожиданно громкий взрыв аплодисментов. Одновременно по комнате прокатился гул комментариев о щедрости Ребекки и о том, что от такого предложения невозможно отказаться. Я не знала, что меня напугало больше: розовые гирлянды, украшающие мои прекрасные каминные полки работы Адамса, и посыпанная розовым «инеем» рождественская елка в окне гостиной, чтобы ее могли увидеть все соседи, или мысль о том, что все эти неугомонные духи внезапно проснутся.

– Я... – начала я, но, поняв бесполезность протестов, умолкла.

– Спасибо, Мелани, – сказала мать, первой начав новый всплеск аплодисментов, которые все больше и больше напоминали мне стук гвоздей, забиваемых в крышку гроба. Она повернулась к собравшимся. – Я считаю, дамы, на этом наша встреча завершена. Убедитесь, что вы отправили мне все заполненные бланки наших комитетов, и проверьте электронную почту, чтобы узнать имя нашего нового председателя по сбору средств и то, в какие комитеты вас назначили. Спасибо всем, что пришли.

Другие женщины начали собирать вещи и прощаться, благодаря Ребекку, как будто она только что нашла лекарство от рака. Я же осталась на месте, разрываясь между желанием придушить кухню или же инсценировать смерть и переехать в другую страну. Ибо я знала: когда Ребекка бывала щедрой и доброй, на то имелись скрытые мотивы.

– С вами все в порядке? – тихо спросила Вероника.

Я одарила ее благодарным взглядом.

– Да. Я буду в порядке. Как только найду способ заставить мою кухню исчезнуть.

Вероника криво усмехнулась.

– Да, наверное, я могла бы вам с этим помочь. Что нам делать со всем этим розовым? – Она взяла свою тарелку и, на моих глазах скомкав остаток торта в салфетку, продолжила: – У меня дурные предчувствия по поводу ее талантов в области декорирования. Может, мне вызваться ей помочь?

Я энергично кивнула.

– Буду вам признательна. Надеюсь, я смогу удержать ее, пока вы развесите в доме обычные рождественские украшения, непохожие на сахарную вату.

Вероника фыркнула, но, увидев, что к нам идет Ребекка, моментально притихла.

– Вы извините нас на минутку, Вероника? Мне нужно поговорить с кухней.

Вероника улыбнулась и, ободряюще похлопав меня по плечу, вышла. Ребекка скользнула на диван, на то место, где только что сидела Вероника.

– Извини, Мелани. Честное слово. Но у вас есть этот большой красивый дом, который так и просится, чтобы его все увидели. Он – историческое наследие, можешь спросить у Софи. Люди будут покупать билеты, чтобы заглянуть внутрь.

Я отодвинулась.

– Все еще пытаешься протащить ко мне в дом киношников, да? Как я понимаю, ответ «нет» тебя не устраивает?

Ребекка выглядела подавленной и явно не была готова к тому, что я заподозрю худшее. Но она никогда не давала мне поводов этого не делать.

– Извини, Мелани. Честное слово. Но Марк поддерживает мою идею снимать фильм у вас дома. Он просто одержим ею! Я подумала, может, нам стоит попросить кого-нибудь из киношников пофотографировать в доме, чтобы они могли потом воссоздать его в студии? И тогда мы все будем счастливы.

– Неужели, Ребекка? Думаешь, это осчастливит Марка?

Ее плечи поникли.

– Я должна была попытаться. Ты ведь знаешь, какой он.

Я нахмурилась.

– Я тут встретила твоего деверя. Энтони. Он рассказал мне кое-что интересное.

Ребекка настороженно посмотрела на меня.

– Да?

– Он сказал, что Марк хочет наш дом. – Сопrotивляясь отчаянному желанию ткнуть указательным пальцем ей в грудь, я подалась вперед. – Пожалуйста, доведи недвусмысленно до его сведения, что я лучше сожгу свой дом дотла, чем увижу, как он завладеет им.

Пучки заскулила, и Ребекка прижала к груди собачью голову.

– Я уверена, ты это несерьезно. Надеюсь, ты помнишь, что Марк – мой муж.

– О, разве такое забудешь!

Я подумала, что она вскочит и, недовольно фыркнув, уйдет, но она осталась на месте. Выражение ее лица было мне хорошо знакомо. Сигнал о том, что она хочет сообщить мне что-то неприятное.

– Мне приснился сон, – сообщила она.

Меня так и тянуло встать и тут же уйти. Всю мою жизнь моим способом решения проблем было их игнорирование. Но с тех пор, как я вышла замуж за Джека, я попыталась измениться. Стать более зрелой, смело смотреть в лицо неприятностям, а не делать вид, будто их не существует. И хотя в половине случаев я все равно терпела неудачу, по словам Джека, пока я стараюсь, еще не все потеряно. Я сделала глубокий вдох.

– И?

– Он был о Джеке. Ему грозила опасность.

Я тотчас насторожилась.

– Опасность чего?

– Я не уверена. Там был еще один мужчина, которого я не узнала. И он... – Она умолкла.

– И что он?

– Он хоронил Джека заживо.

Глава 3

Я наполовину выдвинула нижний ящик стола. При мысли о том, что остатки пончика из пекарни, мягкого и сладкого, все еще лежат в пакете, у меня заранее потекли слюнки. Я в течение полутора дней сопротивлялась этому искушению, и я точно знала, что должна съесть их сейчас, – ведь не могут же они оставаться свежими вечно! Но при звонке телефона моя рука дернулась и больно ударилась о твердую древесину стола. Я нажала кнопку переговорного устройства.

– Да, Джолли, что такое?

Голос администратора прозвучал приглушенно.

– Вас тут хочет видеть один человек, но он не записывался заранее. Я сказала ему, что у вас через полчаса показ дома и что он должен заранее записаться на прием, когда у вас будет больше времени, но он был очень настойчив.

Ее неодобрительный тон отвлек мое внимание от сладко пахнущего пакета и вернул мое внимание к переговорному устройству.

– Он сказал, что ему нужно?

– Лишь то, что вы старые друзья и он все объяснит, когда увидит вас.

Я села прямее.

– Как его зовут?

– Марк Лонго. Отослать его обратно?

Я со стуком задвинула ящик стола. Марк? Только его мне здесь не хватало! Может, пока есть время, открыть в офисе окно и сбежать на парковку? Именно так и поступила бы прежняя Мелани. Мелани, которая раньше пряталась от своих проблем и любой ценой избегала конфронтации. Теперь же я была новой, взрослой Мелани, которая больше не позволяла себе подобных вещей. Как правило, не позволяла.

Я взяла мобильный телефон, собираясь позвонить Джеку и попросить, чтобы он приехал, но передумала. Он работал над книгой, которая много значила для его карьеры, и мне не хотелось его отвлекать. По той же причине, повторяла я себе, я не сказала ему о лице в окне Нолы. Или о сне Ребекки. Это не имело ничего общего с моими сомнениями и страхом быть брошенной, несмотря на все заверения Джека в том, что он любит меня и останется со мной навсегда, даже если я и склонна к странным вещам паранормального характера. Я обнаружила, что старые привычки похожи на любимую пару поношенных старых туфель: рука не поднимается их выбросить. Они стоят в вашем шкафу до тех пор, пока у вас не возникнет соблазн вновь прогуляться в них, потому что вы жаждете чего-то удобного и знакомого.

– Спасибо, Джолли. Пусть войдет.

Я встала, поправила юбку и попробовала несколько нарочито расслабленных поз. Когда Марк вошел в мой офис, я неловко устроилась на краю стола. На мое счастье, мне не пришлось здороваться с ним. От этой необходимости меня избавили надрывающийся телефон, расписание дел на сегодня и настольная лампа, рухнувшая на пол, когда я случайно задела шнур ногой, пытаясь небрежно ее закинуть на другую ногу.

– Давай я тебе помогу, – сказал Марк, наклоняясь, чтобы поднять лампу, чудом уцелевшую при падении.

– Я сама, – сказала я. – Честное слово. Я бы предпочла, чтобы ты просто сказал мне, зачем ты здесь, а потом ушел.

Он поставил лампу посередине моего стола. Абажур на ней сидел криво. Перехватив мой взгляд, когда я это заметила, он улыбнулся мне. Чтобы не потянуться и не поправить ее, я стиснула кулаки и лишь чудом не начала распевать песни группы *ABBA* задом наперед.

– Ты всегда так разговариваешь со всеми своими клиентами, Мелани?

– Ты же не клиент, так что это не в счет.

Он сел на стул, на котором обычно сидели мои посетители, и улыбнулся. Сходство с братом было очевидным: такой же цвет волос и глаз, такое же телосложение, такая же обольстительная улыбка. Правда, с одной разницей: глаза Энтони изучали тепло, а глаза Марка напоминали холодные, безжизненные камни. Все его внимание и любовь были направлены внутрь, на самого себя. Я не могла вспомнить, были ли они такими, когда я когда-то встречалась с ним, или это было что-то новое. Впрочем, женитьба на Ребекке способна сделать такое с кем угодно.

Марк вытянул перед собой и скрестил длинные ноги в итальянских мокасинах.

– А почему нет? Что мне мешает им стать?

Я вернулась к своему креслу.

– Я сомневаюсь, – сказала я, демонстративно избегая смотреть на кривой абажур, и вместо этого взглянула на часы. – Боюсь, у меня назначена встреча с клиентом...

– Я хотел бы купить дом, – сказал он, как будто не слышал моих слов. – Хороший, большой, старый, к югу от Брод-стрит. И я готов заплатить гораздо больше, чем он действительно стоит.

Внезапно я вспомнила, что сказал Энтони о том, что Марк положил глаз на мой дом, и леденящий холод распространился от моего затылка до пальцев ног. Я расправила плечи и приготовилась к бою.

– Если ты имеешь в виду наш дом на Трэдд-стрит, боюсь, он не продается. Более того, он вряд ли будет доступен для покупки как минимум лет сто.

Марк оперся локтями на подлокотники кресла и сцепил пальцы.

– Когда мы встречались, – сказал он, слегка наклонив голову, – я не помню, чтобы ты была такой... упертой.

Он подчеркнул последнее слово, сделав его особенно мерзким. Я почувствовала, как мои щеки тотчас покраснели. Его улыбка стала шире, он явно достиг своей цели. Я встала.

– Поскольку нам больше нечего обсуждать, я прошу тебя уйти. У меня много работы...

– Джек сказал тебе, что его редактора уволили? – перебил меня Марк.

– Что? – Я с трудом сдержала стон. И как только я позволила ему застать меня врасплох?

– Ах, я вижу, что он не упомянул об этом. Произошло это на прошлой неделе. Не хочу повторять слухи, но, если им верить, он был в слишком дружеских отношениях со стажером. Кстати, это моя родственница... мир тесен, да? А теперь и другие жертвы выползают из всех щелей, стремясь добавить к растущей груде обвинений свои собственные. Учитывая нынешний социальный климат, касающийся домогательств на рабочем месте, издателю ничего не оставалось, кроме как уволить его. – Марк вновь усмехнулся. – Независимо от того, имелись ли для этого реальные основания. Известные компании слишком дорожат своим реноме, не так ли?

Я вздрогнула – либо от холода, который никуда не делся, либо от того, с каким видом он сказал, что обвинительница приходится ему родственницей. Мой мозг пронзило что-то сказанное Энтони. У Марка множество связей. Он имеет большое влияние даже в издательском мире. Я изо всех сил постаралась придать голосу спокойствие.

– Я уверена, Джек об этом не упомянул потому, что это никак не повлияло на него или его работу. В его издательстве много действительно хороших редакторов. Я уверена, что, имея такой ценный актив, как Джек, они непременно постараются найти равноценную замену редактору.

Марк сел с выражением притворной озабоченности на лице.

– Я не уверен, знаешь ли ты, но когда редактор, который был единственным и самым громким борцом за конкретного автора или книгу, внезапно увольняется, автор фактически становится сиротой. Конечно, Джеку назначат нового редактора. Но ведь все будет уже не то, верно? Если только новый редактор не разделяет ту же страсть и энтузиазм по отношению к книге, что и предыдущий. А это, моя дорогая Мелани, бывает редко, если вообще бывает.

Я подошла к двери и приоткрыла ее, чтобы мое намерение было очевидным.

– Я уверена, что с Джеком и его проектом все будет в порядке. Извини, я ничем не могу тебе помочь.

– Ах, Мелани. Ты все такая же наивная!

Марк встал, но не сдвинулся с места и не торопясь принялся рассматривать вещи на моем столе.

Когда я заговорила, мой голос слегка дрожал:

– Я не наивна. Я знаю, что Джек очень талантливый автор с солидным послужным списком, и его новый издатель это знает. Идея его новой книги великолепна, и она воплотится в жизнь у любого редактора, которого ему назначат. У него потрясающий агент, который верит в него и поддерживает его. Так что перестань бросаться своими глупыми угрозами и уходи. Мы не продаем наш дом, и твой фильм там сниматься не будет. И ты ни за что не можешь сказать или сделать что-то такое, что заставит нас изменить наше мнение. Ты уверен, что твое крупное пожертвование школе «Эшли-Холл» позволит тебе заполучить снимки или кадры, или что там делают киношники, но я буду стоять до конца и не сдамся без боя. И ты не снимешь в моем доме ни единого кадра. Даже не надейся!

Когда он не сдвинулся с места, я покрутила дверную ручку, напоминая ему, что он собирался уходить.

Он больше не улыбался.

– Я вежлив с тобой лишь потому, что у нас с тобой когда-то был роман. Но эта любезность ограничена по времени. – Он медленно подошел ко мне и встал рядом, давая понять, как ему наплевать, что он вторгается в мое личное пространство. Я не сдвинулась с места. – Я не люблю ждать, Мелани. И я всегда получаю то, что хочу. Тем или иным способом.

– Ты не смог получить алмазы Конфедерации, – напомнила я, имея в виду сокровище, спрятанное в доме в конце Гражданской войны его бывшим владельцем Вандерхорстом. Мы с Джеком нашли их раньше Марка, к великой злости последнего. Я не собиралась злить его сейчас, но не сдержалась. Его самодовольство в придачу к тому, что он сделал с Джеком – с нами! В общем, искушение щелкнуть его по носу было слишком велико.

Его ноздри раздувались.

– Ты можешь сделать это легко, а можешь – сложно. В любом случае, в самом ближайшем будущем мы с женой переедем в дом номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит и с радостью распахнем наши двери съемочной группе, которой не терпится приступить к съемкам фильма, и он, я уверен, станет грандиозным блокбастером. – Он наклонился ближе, и я увидела ореховые точки в его глазах. – Так что можешь сказать своей подруге-профессору, помешанной на исторических домах, что у меня самые разные мысли о том, чем я хотел бы заниматься в доме, когда он станет моим, и что она не сможет меня остановить. Просто знай, что это потребует удаления большей части внутренних стен и всей этой безвкусной лепнины, как будто снятой со свадебного торта.

Из всего, что сказал Марк, это задело меня больше всего. У меня все еще ныла спина, стоило мне вспомнить, как я вручную шлифовала деревянные полы, перила и шпиндели. У меня начиналась головная боль, когда я вспоминала, сколько денег я угрожала на замену крыши и сколько времени и стараний Софи потратила на то, чтобы восстановить в фойе старинные китайские шелковые обои. А прекрасный сад, который отец с такой любовью восстановил! А воспоминание о том, как мы с Нолой спустились по парадной лестнице в день свадьбы, а как отнесли близнецов в детскую в первый день возвращения из роддома! То, что предлагал Марк, было нескрываемым осквернением, чистым святотатством. Учитывая, что когда-то я вообще не хотела покупать этот дом, для меня стала не-ожиданной боль в моем сердце при одной только мысли о том, что Марк и Ребекка въезжают и разрушают его.

Я наклонилась вперед, так что мы оказались почти нос к носу.

– Только через мой труп, – прошипела я. Что-то промелькнуло в его глазах, однако он отступил и расплылся в кривой улыбке.

– Это можно устроить.

Внутри меня взорвался крошечный залп страха, но я не отвела взгляд и даже не моргнула. Да, Марк Лонго еще тот наглец, но я не позволю ему себя запугать.

– Убирайся! – процедила я сквозь зубы. – И даже не думай, что ты или твоя съемочная группа войдете в главные ворота.

Он вышел в коридор, повернулся ко мне лицом.

– Я сделал еще одно довольно щедрое пожертвование школе «Эшли-Холл» и пообещал им пригласить профессионалов кино задокументировать исторический ужин, чтобы они могли использовать съемки для рекламы. Думаю, тебе будет сложно сказать им «нет». Но это лишь для того, чтобы позлить тебя и Джека. Конечно, я смогу сделать несколько отличных кадров дома, но думаю, прежде чем планировать настоящие съемки, я подожду, пока на документе, удостоверяющем право собственности, не появится мое имя. – Он почесал подбородок, как будто в глубокой задумчивости. – Думаю, Эмма Стоун – ей, конечно, придется снова покрасить волосы – идеально подошла бы на роль Ребекки, как ты думаешь?

В глубине моего мозга снова звякнул звоночек, и мой гнев куда-то ускользнул, вновь сменившись чем-то очень похожим на страх. Главное, чтобы Марк этого не заметил.

– Почему ты так сильно его хочешь, Марк? На продажу выставлено множество других красивых исторических домов, куда более грандиозных, чем мой. Что особенного в моем доме?

Он ответил не сразу.

– Да все просто. Он принадлежит Джеку. И тебе. Но это ненадолго.

Он многозначительно приподнял брови, повернулся на каблучках и вышел.

Я проводила его взглядом, пока он не исчез за поворотом коридора. От нехороших предчувствий сводило живот. Марк был бизнесменом. Все, что он делал, было средством делать деньги или неким образом продвигаться вперед и вверх. Изначально Марк купил плантацию Вандерхорстов, полагая, что там были спрятаны алмазы Конфедерации. А потом, чтобы избавиться от неудачной инвестиции, солгал своему брату, что намеренно перестроил ее в винодельню. Для того чтобы получить доступ к дому, который я унаследовала, а значит, и возможность искать бриллианты, он даже признался мне в любви.

Помимо зависти, было в моем доме на Трэдд-стрит что-то еще, отчего Марку Лонго так хотелось его заполучить. И пока не стало слишком поздно, мне просто нужно выяснить, что именно. Я вернулась к столу и села, точно зная, с кем мне нужно поговорить. Мой палец застыл над кнопкой интеркома, когда по дверному косяку постучала Джолли. Ее серьги-стрекозы укоризненно раскачивались. По выражению ее лица я догадалась: она слышала каждое слово.

– Неприятный человек, – сказала она, насупив брови. – Вокруг него витает облако черной кармы, и, по-моему, чтобы его увидеть, не нужно быть ясновидящей вроде меня. – Она сочувственно посмотрела на меня.

– Это верно.

Джолли была убеждена, что обладает экстрасенсорными способностями, и даже начала посещать специальные занятия, чтобы научиться их применять. Пока что у нее было больше промахов, чем попаданий, но она вбила себе в голову, что собственных способностей у меня нет. Я была более чем счастлива – пусть продолжает наивно верить в это.

– Мне позвонить Джеку от вашего имени?

В ее зеленых глазах читалась тревога.

Вероятно, Джек был первым, кому мне следовало позвонить, но я не могла этого сделать. Пока не могла. Если он действительно потерял редактора и не сказал мне, у него было достаточно поводов для беспокойства.

– Нет. Но мне нужно, чтобы вы нашли мне номер Энтони Лонго.

Джолли вопросительно подняла брови.

– Да, это брат Марка. По-моему, он местный. Я припоминаю, как однажды Марк сказал мне, что у его младшего брата есть дом в центре города. Надеюсь, у него есть стационарный телефон.

– Вас соединить с ним, если мне удастся дозвониться до него?

Я покачала головой.

– Нет. Просто дайте мне номер. Пожалуйста.

Она кивнула и вышла из моего офиса, я же потянулась, чтобы поправить кривой абажур, потому что больше не могла его видеть. Но тут зажужжал айфон. Посмотрев на экран, я увидела сообщение от Ребекки.

Приснился мужчина в старомодной одежде с пустыми глазницами вместо глаз. Сказал, что идет за тобой. И за Джеком.

Быстро нажав на ОЧИСТИТЬ, я откинулась на спинку стула и закрыла глаза, гадая, как в очередной раз мой прежний упорядоченный мир внезапно стал каким угодно, только не упорядоченным, и почему беспокойные мертвецы, похоже, никак не желали оставить меня в покое.

Глава 4

Когда я после работы вошла в парадную дверь, из кухни, приятно щекоча ноздри, донесся запах рождественского печенья миссис Хулихан. Я бессознательно пошла на него, как кошка на кошачью мяту. Или собака на запах печенья, поскольку Генерал Ли, Порги и Бесс сидели перед дверью кухни, глядя на прочную деревянную поверхность, как будто сила их взглядов могла ее открыть.

Был еще ноябрь, но миссис Хулихан настояла на том, что нужно заранее набить морозильники сладкими праздничными угощениями – кто знает, каких размеров рождественскую компанию нам придется принимать у себя. Я думала, что она сделала это, чтобы помучить меня, особенно потому, что ключи от большой морозильной камеры в каретном сарае были только у нее и Джека и она всегда была заперта. Я знала это, потому что проверяла. Причем не один раз.

Я присоединилась к собакам в их бдении и, затаив дыхание, прислушивалась к любым признакам движения по ту сторону двери. Недавно, после пресловутого инцидента с печеньем, когда я показывала детям, как из раскатанного теста вырезать милые зимние фигурки, мне запретили входить в кухню, пока моя экономка, миссис Хулихан – унаследованная вместе с Генералом Ли и домом, – занималась рождественской выпечкой. Чтобы облегчить уборку стола, я тогда съела все остатки теста. При этом я постаралась, чтобы дети не заметили меня, потому что Джейн сказала, что сырое тесто им вредно. Я без проблем ела сырое тесто всю свою жизнь и поэтому была уверена, что запрет Джейн меня не касался.

Миссис Хулихан очень расстроилась, обнаружив, что для второй партии у нее недостаточно теста, и предостерегла меня от подобных поступков в будущем, не заботясь о том, что я была голодна, или мне не хватает сахара, или даже, что это я платила ей зарплату. Когда ее потайной запас красных и зеленых *M&M*, которые предполагалось пустить на пуговицы снеговиков, таинственным образом исчез, она пригрозила уволиться, если я не уйду из кухни, и мне ничего не оставалось, кроме как признать свое поражение и уйти. Даже близнецы наблюдали за моей капитуляцией с разочарованием в глазах.

Прижав ухо к двери, я услышала, как внутри суетится миссис Хулихан. Вздохнув, я повернулась к собакам.

– Извините. Нам придется подождать, пока она уйдет, а потом я обещаю украсть нам что-нибудь на пробу.

– Я это слышала! – крикнула миссис Хулихан с той стороны двери. – Просто имейте в виду, что один из моих пирогов и три дюжины печенья были приготовлены по рецептам, которые мне дала доктор Уоллен-Араси, с использованием всех веганских ингредиентов, без глютена и сахара. И я не намерена говорить вам, какие именно.

При воспоминании о некоторых кулинарных рекомендациях Софи я поморщилась и невольно вздрогнула. Затем присела на корточки, чтобы почесать три пары мохнатых ушей.

– Не переживайте. Обещаю, завтра я непременно зайду в пекарню «Мохнатая банда» и принесу вам что-нибудь вкусненькое.

Псы возобновили свое бдение, а я осторожно повесила пальто в платяной шкаф. Это заняло у меня чуть больше времени, чем следовало бы: никто в этом доме не застегивал пальто и куртки и не развешивал их лицом в одну сторону, и я взяла на себя труд исправить эту недоработку. Более того, я решила обсудить это с Нолой и Джеком во время ужина. Я уже наполовину поднялась по лестнице, направляясь в детскую, когда услышала позади меня визг и смех Джей-Джея, за которыми последовал басовитый смешок Джека. Как я поняла, звуки исходили из-за закрытой двери кабинета моего мужа. Я осторожно открыла ее и просунула голову в дверной проем.

Экран компьютера Джека был темным, а сам он лежал лицом вверх на коврик перед столом, и у него на груди сидел Джей-Джей. Оба были в ковбойских шляпах. Шляпа Джека лежала у него под головой на полу, а сам он подбрасывал сына вверх и вниз, имитируя движения лошади. При виде этой сцены у меня внутри все растаяло. Господи, и за что только мне такое счастье? За все время моего трудного детства я ни разу не представила себе свою будущую жизнь такой. Но теперь, когда она была моей, я цеплялась за нее обеими руками, как белка во время урагана цепляется за ствол пальмы.

Мой взгляд скользнул в угол комнаты: размахивая ручками, Сара сидела в лучах солнечного света и бормотала, как будто с кем-то разговаривая. Наверное, так оно и есть, догадалась я, хотя никого не увидела. Но тут же ощутила слабый запах роз – верный признак того, что Луиза Вандерхорст, бывшая обительница дома, посадившая в нашем саду розы Луизы, находится где-то поблизости. Хотя это был нежный, материнский дух, навещавший нас лишь время от времени, я ощутила легкую тревогу. Потому что Луиза заглядывала к нам только тогда, когда чувствовала, что мы нуждаемся в ее защите.

Я повернулась к Джеку. Тот уже снял шляпу, сел и посадил Джей-Джея себе на колени.

– Где Джейн? – спросила я, наклоняясь, чтобы поцеловать Джека в губы, затем громко чмокнула в щеку Джей-Джея и наконец подхватила на руки Сару. Сияя голубыми глазенками, она улыбнулась, поцеловала меня в нос, повернулась и показала пухлыми пальчиками в пустой угол.

– Я отправил ее домой.

Избегая смотреть мне в глаза, Джек встал и наклонился, чтобы поднять Джей-Джея себе на плечи.

– Ты отправил ее домой? Но мне казалось, ты говорил, что должен постоянно работать, чтобы сдать книгу к установленному сроку.

– Неужели? – спросил он и кругами забегал по комнате. Смех вырывался из крошечной груди Джей-Джея, как пузырьки газировки.

Я на миг решила, что мне лучше промолчать, – зачем суровым реалиям нарушать эти мгновения семейной идиллии? Лучше притвориться, будто я не знаю, что мой муж уже услышал плохие новости и решил не делиться ими со мной. Но если и был момент, когда от меня требовалось стать новой Мелани, которой я намеревалась стать, то это наверняка он.

– Джек, – начала я, готовая рассказать ему о моем разговоре с Энтони, о стычке с Марком и снах Ребекки, и, возможно, даже о нежелательных гостях, которых я видела в доме...

– Мелли, – сказал Джек, не дав мне договорить. Несмотря на мои добрые намерения, я была счастлива уступить ему очередь. Стараясь не показывать, что я задержала дыхание, я ободряюще улыбнулась ему. – Моего редактора уволили. Патрик возлагал на меня большие надежды и был моим главным защитником в издательстве, так что это довольно печально. Меня перепоручили одной из новых редакторов – молодой женщине, если не ошибаюсь, ненамного старше Нолы. Ее зовут Десмара. – Джек улыбнулся, но это была слабая копия его обычной улыбки. – Не то чтобы молодость – это обязательно плохо, но, когда мы говорили по телефону, она призналась, что не только никогда не читала ни одной из моих книг, но даже понятия не имела, кто я такой, когда меня передали ей.

Мое сердце переполнилось возмущением.

– Значит, она обитала в какой-то глубокой норе, – сказала я и, вымучив улыбку, добавила: – У тебя все еще есть замечательный агент, который верит в тебя почти так же сильно, как и я.

На этот раз он даже не попытался изобразить улыбку.

– Десмара сказала, что ей понравилось мое фото на обратной обложке моей последней книги.

Я вспомнила это фото. Именно оно в свое время убедило меня отправиться на свидание с ним. Я попыталась не думать о другой женщине, которая, глядя на эту же фотографию, думала о том же, что и я. Я прочистила горло.

– Значит, у тебя все еще есть контракт и крайний срок сдачи рукописи.

– Однозначно, – сказал Джек, подбрасывая на плечах Джей-Джея, отчего наш сын взвизгнул от восторга.

– Тогда почему ты отпустил Джейн домой пораньше? Чтобы предаться самоедству?

Джек пристально посмотрел на меня.

– Да, наверное, так. – Он снял Джей-Джея с плеч и передал его мне.

– Пока ты будешь писать, я накормлю и искупаю детей и подготовлю их ко сну. Не выходи из этой комнаты, пока не закончишь еще хотя бы три страницы. А потом тебя ждет небольшой сюрприз.

Я многозначительно посмотрела на него, давая понять, какой именно сюрприз я имела в виду. Мне очень хотелось надеяться, что Нола не приведет вечером к нам домой свою учебную группу, потому что сегодня ее очередь.

Не то чтобы это имело значение, подумала я, когда лицо Джека стало серьезным и он сел в кресло.

– Я всегда могу попробовать. Вероятно, все это будет полное дерьмо, потому что сейчас мой мозг занят совсем не этим. Но писать – значит вечно переписывать, как говаривал мой бывший редактор. – Джек повозил по столу беспроводной мышью, и экран компьютера ожил. Сосредоточенно насупив брови, он стал читать строки на экране.

Держа в каждой руке по ребенку, я попятилась из комнаты, видимо, уже забытая мужем.

– Что ты хотела сказать, когда я тебя перебил? – пальцы Джека застыли над клавиатурой, но он повернулся ко мне лицом.

– Ничего важного, – я улыбнулась, и он начал печатать. Все еще слыша клацанье клавиатуры, я ногой начала открывать дверь.

– И я не забыл, – добавил он, не сбавляя темпа, – что ты что-то говорила про сюрприз, если я напишу еще три страницы. Хотел бы поймать тебя на слове.

Чувствуя, как странное сочетание облегчения и вины взяло меня в тиски, я улыбнулась его затылку. Я даже сделала к нему шаг, чтобы рассказать ему все, чтобы быть той Мелани, которой я обещала себе быть. Но каждый удар по клавишам как будто загонял гвозди в крышку гроба моей решимости, убеждая меня, что в данный момент лучший выбор – не мешать ему работать.

Я на миг застыла в дверном проеме, борясь со своей совестью, но тут Джей-Джей начал извиваться, а Сара тереть глаза.

– Я люблю тебя, – сказала я, глядя на склоненную над клавиатурой голову Джека.

Не поднимая глаз, он продолжал печатать, уже погруженный в свой собственный мир. Я поставила детей на пол и тихонько закрыла дверь кабинета.

* * *

Генерал Ли послушно плелся рядом со мной на поводке. А вот Порги и Бесс, на отдельном двойном поводке, казалось, задались целью разбежаться в противоположных направлениях. Не выгляди они такими невинными, я бы заподозрила их в попытке меня убить. Позади нас, не обращая внимания на неровности тротуара, пока мы шагали по Трэдд-стрит в сторону Ист-Бэй и места встречи с Энтони Лонго, Джейн толкала двойную прогулочную коляску, внутри которой Джей-Джей и Сара были пристегнуты и тепло укутаны на случай внезапного падения температуры.

– Напомни мне еще раз, зачем тебе нужен эскорт на эту встречу, хорошо? – сказала Джейн.

Я упорно смотрела вперед.

– Для моральной поддержки.

– И это никак не связано с отражением того типа в витрине магазина пончиков?

Я резко повернула голову, чтобы посмотреть на нее, и тотчас же споткнулась об одну из собак.

– Ты его видела? – спросила я, когда наконец пришла в себя.

– Конечно, Мелани. Я тоже вижу мертвых, разве ты забыла?

– Верно, – сказала я, ощутив странный укол ревности. Хотя я с детства ненавидела свой «дар», он всегда принадлежал мне и только мне одной. Это отделяло меня от пресловутой толпы. И вот теперь, внезапно и неожиданно, я была вынуждена им делиться. Как будто меня понизили в звании до чего-то менее уникального. Хотя на самом деле я так не думала. Честное слово.

– Я имею в виду, – продолжила Джейн, – может показаться, что кто-то или что-то, что было в окне, неким образом связано с Энтони, верно? Вот только я видела того же духа в цистерне у тебя на заднем дворе.

Мы посмотрели друг на друга и остановились. Я вздрогнула, причем явно не из-за порыва холодного ветра.

– Энтони сказал, что в цистерне использовались кирпичи из мавзолея на кладбище плантации Вандерхорстов.

– Это могло быть совпадением, – сказала она.

Мы снова посмотрели друг на друга.

– Вот только совпадений не бывает, – сказали мы в унисон, вторя любимой поговорке Джека. И ее еще никто не опроверг.

Дикий лай исходил со стороны симпатичного викторианского особняка за чугунными воротами работы Филипа Симмонса. Услышав его, Генерал Ли дернул поводок, едва не выдернув мне плечо. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним к воротам. Там, радостно приветствуя Генерала Ли, прыгал маленький белый терьер с ушками плюшевого мишки и милой мордашкой.

– Это Синди Лу, – пояснила Джейн, наклоняясь, чтобы почесать через перила забора мохнатое ушко. Затем выпрямилась, уступая Генералу Ли свое место, чтобы тот мог восторженно поприветствовать свою собачью знакомую. – Я всегда провожу детей мимо этого дома, и Синди Лу всегда бросается к воротам, чтобы поздороваться. По-моему, Генерал Ли ей нравится.

– По-моему, это чувство взаимно, – сказала я. – Если не ошибаюсь, я не видела ее раньше. Сказать ей, что у него уже есть щенки от других отношений?

– Ее семья только что переехала сюда из Калифорнии. Я познакомилась с мамой, ее зовут Робин. Очень милая. Я дала ей понять, что Генерал Ли еще не кастрирован, но ты очень скоро об этом позаботишься, чтобы они могли играть по одну сторону забора.

Я натянула поводок Генерала Ли, чувствуя себя преступницей при виде мучительных взглядов, которыми он и Синди Лу одарили друг друга, когда их оттащили в разные стороны.

– Да-да, ты права. Я позабочусь об этом. Это был бы не лучший способ поприветствовать новых соседей на улице.

Мы зашагали дальше по Трэдд-стрит, и каждый квартал олицетворял собой разные архитектурные эпохи. Дома варьировались от типично колониальных с кирпичным фасадом до неоклассических, в подражание Древней Греции, и особняков с двумя верандами. Выросшая в Чарльстоне, я раньше никогда не замечала настоящую сокровищницу исторических домов, которые составляли пейзаж моего детства, будучи слишком озабочена тем, что игнорировала

духов, манивших меня из каждого дверного проема и окна, из каждого переулочка и из-за каждого дерева. Потребовались годы, чтобы научиться блокировать их, чтобы я могла спокойно ходить по улицам родного города. Но теперь, когда мы с Джейн были вместе, наш свет сиял слишком ярко, словно маяк для неугомонных мертвецов в море вечной ночи.

С тех пор, как мы с сестрой нашли друг друга, я узнала о ней несколько вещей. Как и я, она, обожала маленьких детей и собак, звон колоколов церкви Святого Михаила и все, что содержало сахар. Ее любимым цветом был голубой – она всегда надевала одежду этого цвета, когда ей требовалась уверенность в себе. Она очень стеснялась мужчин, особенно симпатичных, не любила лук и предпочитала каблукам туфли на плоской подошве. Мы обе могли видеть мертвецов, но если я умела притвориться, будто не вижу их, то Джейн, которая была на восемь лет моложе меня и не такая измученная, порой было трудно их игнорировать. В детстве она находила способы мысленно блокировать их, но теперь, когда мы были вместе, это давалось ей труднее.

Я увидела, как Джейн остановилась перед зданием в неоклассическом стиле, так называемого – по словам Софи – периода Возрождения. На ступеньках крыльца сидели два мальчика, лет восьми и десяти. Дети выглядели бы реальными, если бы не болезненно-желтая бледность их кожи и тот факт, что ступенек, на которых они сидели, больше не было.

– Пойдем, Джейн. Мы ничего не сможем сделать без полного вмешательства, а у нас на него просто нет времени.

– Но они же дети.

– Я знаю, – твердо сказала я, не столько для нее, сколько для себя. – Но если обращать внимание на каждого духа, которого видишь, за ним последуют и другие, и тогда они уже никогда не оставят тебя в покое. В любое время суток. Так что пусть себе делают, что хотят.

Она попятилась и отвернулась лишь после того, как они исчезли, а вместе с ними исчез и их жалобный плач. Мы молча прошли мимо дома, чьи новые владельцы продали ворота работы Филипа Симмонса на металлолом. Теперь, случайно оказываясь рядом с ним, Софи переходила на другую сторону улицы. Мне казалось, что я даже несколько раз видела, как, проходя мимо новых ворот, она плевала на землю.

Доехав до Ист-Бэй, мы свернули направо в сторону Бэттери-парка и беседки. День выдался ветреный, река Купер покрылась белой пеной, как будто безумный повар наделал на ее водной глади слишком много пирожных безе. Я заметила пиратский корабль с пробоиной в боку, медленно опускающийся под воду, и когда взглянула на Джейн, то поняла, что она тоже его видела.

Нам нужно было придумать способ, как перестать быть этаким целью, за которой следуют все неугомонные духи. Может, мне купить ей еще один компакт-диск группы *ABBA*, чтобы Джейн выучила все тексты? Тогда мы могли бы выкрикивать их вместе, чтобы отпугивать упрямых духов. Я уже подарила ей несколько компакт-дисков, но Джейн вечно то наступала на них, то где-то теряла. Я сделала мысленную заметку на будущее: нужно попросить Нолу помочь ей загрузить плейлист, чтобы Джейн могла слушать его на своем телефоне, ни на что не наступая и ничего не ломая. И не теряя. Это было меньшее, что я могла сделать.

Джейн заметила Энтони одновременно со мной – он стоял, опираясь на перила беседки.

– Он одет, – сказала она. – В смысле, он здесь, и на нем теплая куртка.

Я закатила глаза.

– Помни, ты здесь в качестве моральной поддержки, поэтому, пожалуйста, молчи, или говори лишь в случае крайней необходимости, и только после того, как несколько раз мысленно отретпетуешь фразу. Поняла?

Увидев, что Энтони улыбнулся, она кивнула. Спустившись по ступенькам, он нас поприветствовал.

– Доброе утро, дамы. Я всего лишь ждал Мелани, но должен признаться, что встретить Джейн тоже чертовски приятно.

Мне вновь захотелось закатить глаза, но в его глазах, когда он посмотрел на мою сестру, была искренняя доброжелательность. Щеки Джейн покраснелись, причем не только из-за ветра. Она быстро наклонилась над коляской, чтобы убедиться, что дети по-прежнему надежно укутаны, словно маленькие толстые сосиски в тесте.

Энтони сунул голые руки в карманы пиджака.

– Если честно, я удивился, получив от вас звонок так скоро.

– Я и сама удивилась. Но ваш брат нанес мне визит. Не только с целью сделать мне предложение касательно моего дома, но и чтобы пригрозить мне, если я откажусь. Я помню, как вы сказали, что у него повсюду связи, и потому решила действовать на опережение.

– Хороший ход, – похвалил он, глядя на металлический венчик, задевший его по голени.

– Извините, – смутилась Джейн. Она быстро подняла венчик, вытерла его тряпкой, которую на всякий случай регулярно привязывала к ручке коляски, и вернула Джей-Джею.

– Венчик, – сказала она, как будто это все объясняло.

Энтони наклонился вперед и скорчил детям комичную рожицу. Те дружно хихикнули.

– Его зовут Венчик? – спросил он у Джей-Джея.

– Венчик, – повторил Джей-Джей, швырнув его в Энтони. Тот быстро перехватил его кухонную игрушку, прежде чем та попала в него.

Вернув венчик Джей-Джею, я на всякий случай отступила подальше.

– Когда я был маленьким, я питал особую привязанность к желтой губке для ванн. – Лицо Энтони посерьезнело. – Но Марк однажды разрезал ее на куски и пропитал их черной краской.

– Это многое объясняет, – медленно произнесла Джейн. Я же задалась вопросом, сколько раз она прокрутила эту фразу в уме, прежде чем произнести ее вслух.

– И что нам теперь делать? – спросила я, глядя на Энтони.

– Я хочу, чтобы вы приехали на плантацию Вандерхорстов. Чтобы вы помогли мне войти в мавзолей. Если там закопано сокровище, нам нужно найти его раньше Марка.

– Но разве эта плантация не принадлежит вам? Проводимые Марком раскопки будут незаконными.

Мне показалось, что Энтони смутился.

– Не в привычках Марка сначала спрашивать. Он просто делает то, что считает нужным. Честно говоря, я опасаясь ответить ему отказом, даже если мне ясно, что он неправ. Но есть определенные... элементы, которые не позволяют нам обоим войти в мавзолей. Вот почему мне нужна ваша помощь. Я надеялся, что мы сможем договориться о встрече, чтобы вы приехали туда как можно скорее.

Хотя я была в теплом свитере, я поежилась, как от холода.

– Почему вы не могли просто сказать мне это по телефону?

– Потому что я не могу быть полностью уверен, что Марк не нашел способа перехватывать мои звонки и текстовые сообщения.

Вспомнив встречу с Марком в моем офисе, я бы не назвала опасения Энтони беспочвенными. Я начала рассказывать ему больше подробностей о визите Марка, как вдруг заметила позади него в беседке что-то похожее на черный дым.

– Там что-то горит?.. – начала я. Заметив вздымающееся темное облако, Джейн схватила меня за руку и остановила.

Я не почувствовала запаха гари, и, несмотря на сильный ветер, черная фигура не дрогнула, ее края, казалось, пульсировали от мерцающего тепла. Поняв, что мы смотрим на что-то позади него, Энтони обернулся – как раз в тот момент, когда клубы темного дыма начали принимать почти человеческие очертания, превращаясь в густую тень с отчетливыми руками, ногами и головой. Правда, кто это, мужчина или женщина, сказать было невозможно.

Энтони сделал шаг вверх по лестнице. Его руки были сжаты в кулаки, как будто он был готов к драке.

– Не надо! – крикнула я, но было поздно. Его голова дернулась назад, а следом чья-то невидимая рука врезала ему по животу, и он согнулся пополам. Он повернулся, чтобы сбежать вниз по лестнице, но что-то удержало его. Его ноги поскользнулись на верхней ступеньке беседки. Пытаясь сохранить вертикальное положение, он взмахнул руками. Я двинулась к нему, подняв руки, чтобы его оттолкнуть, а Джейн убрала с дороги коляску.

Мне показалось, будто я услышала приглушенный смех, похожий на далекий раскат грома. В следующий миг вес тела Энтони сбил меня с ног и повалил нас обоих на землю. Я больно ударилась головой. От удара из глаз посыпались искры, а из легких вылетел весь воздух. Отдышавшись, я открыла глаза и обнаружила всего в нескольких дюймах над собой лицо Энтони. Удивление в его глазах отражало мое собственное. Рядом с нами раздался истерический лай собак.

– Итак, – произнес над нами знакомый голос. – Неужели мое приглашение на вечеринку потерялось в почте?

Я моргнула и увидела, что Джек смотрит на нас сверху с лукавой улыбкой, а в воздухе над ним растворяются рваные клочья дымного облака, оставляя после себя лишь отвратительную вонь гниющей плоти.

Глава 5

После того, как я помогла Джейн уложить детей спать, я тихонько закрыла дверь детской и застыла на месте, прижавшись к ней ухом, на тот случай, если Джей-Джей лишь притворился, что спит. Амелия говорила, что в том же возрасте Джек всегда ждал, когда закроют дверь, после чего переворачивал спальню вверх дном. Однажды он даже умудрился вытащить из матраса всю набивку и, скатав ее в маленькие шарики, забил ими вентиляционные отверстия в полу.

– Он спит, Мелани, – прошептала Джейн. – Мы можем идти. Кроме того, у вас есть видеомонитор. Но тебе он не понадобится.

Я в упор посмотрела на нее.

– Он сын и Джека. – Я напоследок прижалась ухом к двери, но почувствовала, как сестра тянет меня за руку.

– Как твоя голова? – спросила она.

– Просто небольшая шишка. Миссис Хулихан дала мне аспирин. И печенье. Я уже чувствую себя гораздо лучше.

Я потеряла голову. Джейн на миг умолкла, глядя на меня.

– Ты все рассказала Джеку?

– Почти все. Я рассказала ему, почему я была там, чтобы встретиться с Энтони, и о моем разговоре с Марком.

– А о фигуре в спальне Нолы?

Я перевела взгляд на пятно на обоях.

– Софи сказала, что все это нарисовано от руки. Ты в курсе?

– Мелани. – Голос Джейн был строг. – Ты должна рассказать ему все. А если нет, то это сделаю я. Мне не нравится энергия, которую я чувствую, когда прохожу мимо спальни Нолы. Мы должны немедленно этим заняться и поставить в известность Джека.

– Я знаю, я согласна, – сказала я, осознав, что ее рука все еще лежит на моей руке. – Я просто пытаюсь понять, с чего начать. И мне не хочется беспокоить Джека, пока я не узнаю все наверняка. Духи не показываются мне, они как будто не хотят со мной разговаривать.

– Или они не знают, что мертвы, – предположила Джейн.

– Или так. По крайней мере я знаю, что Луиза здесь. Она защищает детей, пока я пытаюсь во всем разобраться. Я обещаю рассказать Джеку все, когда мы будем готовы с этим разобраться, хорошо? Для него сейчас на первом месте его книга.

Я никак не отреагировала на ее косой взгляд. Крепко держа меня за локоть, Джейн повела меня вниз по лестнице в сторону гостиной.

– Думаю, он предпочел бы знать, чем быть застигнутым врасплох. Это все равно как если бы он обнаружил тебя перед беседкой в Бэттери-парке, лежащей на спине под другим мужчиной.

Я не смогла поспорить с ее логикой, но меня отвлек крепкий рывок за руку.

– Куда мы идем? – спросила я, внезапно поняв, что меня ведут явно по какой-то причине.

– Твои родители здесь, а Нола и Джек с ними в гостиной. Они хотели бы поговорить.

Хотя при упоминании компании, ожидавшей возможности поговорить со мной, я уперлась пятками в пол, она сумела-таки затолкнуть меня в дверь гостиной, где собрались все. Они пили кофе и чай, а на тарелке лежала, судя по всему, праздничная помадка миссис Хулихан. Каждый кусочек был украшен замороженными хлопьями, политыми зеленым зефиром, и усеян крошечными капельками корицы, чтобы получилось похоже на остролист. Это было моим любимым лакомством, но миссис Хулихан держала его под замком. Я направилась было в их сторону, но Джейн за шиворот вернула меня на место.

– Привет, Мелли. – Мама улыбнулась и встала, отец последовал ее примеру, а затем и Нола. Даже три собаки, спавшие перед камином, встали и повернулись ко мне.

Я подозрительно оглядела их всех, и мой взгляд остановился на Джеке, который тоже пришел сюда.

– Это вмешательство?

– Странно, что ты употребила это слово.

Джек остановился передо мной и улыбнулся. Увы, отнюдь не той своей замечательной улыбкой, к которой я привыкла. Это была улыбка человека, которому вот-вот вырвут зубы. Без анестезии.

– Почему это странно? – спросила я, выискивая глазами возможность урвать на пути к бегству кусок помадки.

– Потому что лишь тот, кто думает, что оно может ему понадобиться, способен счесть собрание близких людей вмешательством. – Джек как будто цедил слова сквозь стиснутые зубы.

– Никто не умер, поэтому я знаю, что это не похороны, – парировала я, скрестив на груди руки.

– Мелли, дорогая, – сказал он, обнимая меня за плечи и привлекая к себе.

Я попыталась сохранить в себе негодование, но его запах, его «джекство», которому я не могла дать точное определение, но всегда умела определить, заставили меня почти забыть, почему я должна злиться.

– М-м-м, – пробормотала я в мягкий кашемировый рукав его свитера, наслаждаясь его текстурой и запахом и чудом сумев при этом не растаять.

– Сколько тебе лет?

Я как ужаленная отпрянула назад.

– Прошу прощения? Ты собираешься покопаться и выяснить, на сколько ты моложе меня?

– Никогда бы не стал этого делать, – торжественно заявил он. – Просто пока ты была наверху, у нас состоялся разговор, и мы все согласились, что ты достаточно взрослый человек и знаешь, кому доверять. А это все, кто сейчас в этой комнате.

– Я понятия не имею, кто ты...

Он остановил меня крепким поцелуем в губы, в котором утонули мои следующие слова.

– Снимите себе комнату, – проворчала Нола.

Джек улыбнулся.

– Рад, что это все еще работает. Как я уже говорил, ты должна была рассказать мне и всем остальным о встрече с Марком и о решении встретиться с Энтони. Мы ведь все заодно, помнишь? Мы – семья. Мы тебя любим. Мы любим этот дом и всех, кто с ним связан. Ну, или почти всех. Твои проблемы – это наши проблемы. И мы решаем их вместе.

– Но у тебя на носу крайний срок, нужно заканчивать книгу, и тебе нельзя отвлекаться...

Он приложил палец к моим губам, не давая мне договорить.

– Ты, твоя безопасность и наше счастье гораздо важнее.

– Мелли, дорогая, – сказала мать. – Мы с твоим отцом развелись много лет назад, потому что не общались и потому, что каждый думал, что знает, что лучше для другого. И посмотри, к чему это нас привело.

Я отошла от Джека, чтобы собраться с мыслями. Было трудно думать, когда он стоял так близко.

– Мне понятна ваша озабоченность. Честное слово. И я вам благодарна. Но я решила сделать это сама не потому, что не доверяю вам. Просто я подумала, что справлюсь одна. Возможно, я была непра... – Я не смогла закончить слово и попробовала еще раз. – Возможно,

я двигалась слишком быстро, и мне следовало подождать, прежде чем соглашаться на встречу с Энтони. И я сказала Джейн, – добавила я еле слышным голосом.

– Прямо перед нашим отъездом, прежде чем я могла получить подкрепление, – добавила та, выразительно посмотрев на меня.

Я подошла к дивану и села.

– Я все еще не убеждена, что не справлюсь одна. Просто я немного удивилась... – Мой взгляд скользнул по отцу. – Нежданному гостю.

Одной из причин развода моих родителей было нежелание отца принять или попытаться понять то, чего он не мог видеть. За годы, прошедшие после нашего примирения, он научился терпеть необъяснимые события, которые, казалось, шлейфом следовали за мамой и мной, но никогда не принимал их. Хотя он больше не проявлял открытой враждебности к невероятной идее о том, что с мертвыми можно общаться, он просто отвернулся в другую сторону, чтобы этого не замечать, словно зарывший голову в песок страус: если он этого не видит, значит, этого просто нет.

– Мелли, – сказала мать с предостерегающей интонацией. – Зря ты не рассказала нам об угрозах со стороны Марка. Тебе ни к чему подвергать себя опасности. Помни, вместе мы всегда сильнее.

Я знала: она имела в виду не только членов нашей новой семейной ячейки, которые в настоящее время окружали меня и вносили свой вклад в счастье и благополучие, обитавшие в его древних стенах, но и мантру, которую мы использовали до и после того, как к нам пришла Джейн, чтобы объединить наши силы для борьбы со злыми духами. Когда мы были вместе, наш маяк светил ярче, и это делало нас самих гораздо сильнее.

Я увидела, как Нола утащила со столика рядом с ней кусок помадки и сунула его в рот. Я нахмурилась, но она посмотрела в потолок, чему, вероятно, научилась у моего отца.

– Теперь мне это понятно, – медленно произнесла я. Я так долго была независима от всех семейных связей, что отказывалась поверить в то, что они сомневались, справлюсь ли я в одиночку. Возможно, в глубине души я скучала по той, прежней Мелани. При всех ее причудах, которые я старалась скрывать, моя независимая натура не собиралась сдаваться без боя. Возможно, мне этого не хотелось. Возможно, я просто хотела приструнить ее, объединить старую Мелани с новой, чтобы создать более сильную себя, которая хотя и была яростно независимой, однако тоже нуждалась в любви и поддержке других. Увы, я понятия не имела, как этого добиться.

Я прикусила губу и на миг задумалась.

– Итак, я полагаю, это означает, что я должна взять кого-нибудь с собой в мавзолей на кладбище плантации Вандерхорстов? Хотя я не вижу...

– Я пойду с тобой! – Нола подняла руку, как будто она была в классе.

– Если не ошибаюсь, у тебя уроки в школе. – Джек сурово взглянул на дочь, а затем вновь обратил внимание на меня. – Очевидно, если тут замешан Лонго, с тобой должен пойти я. Они как песчаные блохи – лишь тогда замечаешь, что они роются и кусаются, когда уже слишком поздно.

Я всплеснула руками.

– Видишь? Тебе лишь бы не заниматься книгой! Именно то, чего я пыталась избежать.

– С тобой пойду я, – предложила Джейн. – Если, конечно, мама присмотрит за детьми. Если мы пойдем все втроем, это, наверное, не очень хорошо.

Не знаю, какая часть ее комментария доставила мне дискомфорт – тот факт, что она уже понимала сложность наших способностей, или что перешла от «Джинетт» к «маме». Не то чтобы я ожидала, что она попросит у меня разрешения, но за более чем сорок лет я привыкла считать себя единственным человеком во вселенной, имевшей право называть ее мамой.

– Или ты можешь остаться здесь с детьми, и со мной пойдет мама. Как в старые добрые времена.

Все, как сговорившись, посмотрели на меня. Отец откашлялся.

– Джейн сказала, что когда Джинни в последний раз столкнулась со зловредными духами, у нее ушел почти месяц, чтобы полностью выздороветь. Так что, если Джейн захочет пойти с Мелани, я тоже пойду. Для защиты. Джейн в этом деле еще новичок.

Я кивнула в его сторону и спросила Джейн:

– Что ты сделала с моим отцом?

Ему хватило приличия изобразить смущение.

– Пока мы с Джейн работали в саду, мы долго и интересно болтали. Я по-прежнему думаю, что всему должно быть некое научное объяснение, но Джейн дала мне понять, что если для нее это реально, то я должен поверить ей, вам и Джинни на слово и согласиться с этим. По крайней мере, до тех пор, пока я не смогу предложить свое объяснение.

Я видела, как Джейн и мама обменялись теплыми улыбками взаимной признательности, оставив после себя знакомое ощущение того, как на уроке физкультуры меня последней выбрали в команду. Новая Мелани была благодарна за то, что у моих родителей и сестры теперь установились близкие отношения, хотя большую часть жизни Джейн они были разлучены. Но у той, прежней Мелани обида и ревность тлели, словно догорающий костер, и частицы горящего пепла, искрясь, влетали в комнату.

Учуяв запах шоколада, я повернулась и увидела, что Нола протягивает мне блюдо с помадкой. Я с благодарной улыбкой взяла кусочек. Скажу честно: я испытала куда большее облегчение, нежели была готова признать, что я не единственная, кто понимал всю странность того, что только что произошло. Откусив помадку, я принялась жевать, радуясь предлогу, что мне не нужно немедленно приступить к рассказу.

– Тогда все решено, – сказала мама. – Вы дадите нам знать, когда встретитесь после разговора с Энтони Лонго?

Прежде чем я смогла сказать ей, что мне нужно обдумать варианты, раздался звонок в дверь. Собаки дружно залаяли, предупреждая нас, что на веранду вторглась угроза со стороны потенциальных мародеров. Мы так и не выяснили, какой вид защиты способны предложить собаки, кроме яростного облизывания области щиколотки, но они серьезно относились к своей роли бдительных стражей.

– Я открою, – сказал Джек, коснувшись моего плеча по пути к входной двери.

Мы услышали, как открылась дверь, а затем...

– Джек, сколько лет! – донесся до гостинной голос Ребекки. Все оставшиеся хором застонали.

– Ребекка, как приятно тебя видеть! Мы как будто расстались с тобой вчера. Вы с Марком как то пятно, которое невозможно оттереть полностью.

– О Джек, – сказала она, вставая на цыпочки и целуя его в щеку. – Вечный шутник.

– Кто? Я? – спросил он притворно невинным тоном.

Я поспешила за Джеком, чтобы остановить его, прежде чем он скажет нечто настолько прямолинейное, что даже Ребекка это поймет, и тогда мне придется несколько часов поднимать ей настроение. Мать заставила бы меня сделать это, поскольку Ребекка по какой-то ужасной иронии судьбы была моей кузиной! Далекой, напомнила я себе, но все же кузиной!

Насупив брови, она переключила внимание на меня.

– Ты рассказала Джеку о моих снах?

Я быстро покачала головой и подняла указательный палец к шее – мол, довольно, молчи, но Джек слишком быстро повернулся и увидел этот мой жест.

– В самом деле, Мелли? Есть еще что-то, о чем ты мне не сказала?

Прежде чем я смогла придумать подходящий ответ, Ребекка сказала:

– Да ладно, Мелани. Не сомневаюсь, что ваш брак достаточно крепок, и можете рассказывать друг другу все, даже плохие вещи. Верно я говорю?

– По-видимому, нет, – сказал Джек.

– Конечно, – сказала я одновременно с ним. Джек вопросительно поднял бровь и посмотрел мне в глаза.

Ребекка откашлялась.

– Мне приснились два сна: в одном человек без глаз в старомодной одежде охотился за тобой и Мелани, а во втором некто – думаю, это был мужчина – пытался похоронить тебя заживо.

– Понятно, – медленно произнес он. – Что ж, в таком случае спасибо, что предупредила меня, что мне следует избегать странных людей и открытых могил. Правда, я бы предпочел услышать это от жены.

К моему облегчению, из-за спины Ребекки появилась Софи с огромной коробкой, до краев набитой пахучей хвоей. Ее лица не было видно за коробкой, но я поняла, что это она, по ярко-голубым косичкам, крест-накрест пересекавшим ей голову, как будто она подверглась атаке безумной швейной машинки.

– В кузове внедорожника Вероники, – сказала она, сдунув сосновую ветку, которая лезла ей в рот, – есть еще куча коробок. Буду благодарна, если кто-нибудь поможет все это внести.

– Я помогу, – сказал Джек. Взяв коробку у Софи, он поставил ее в вестибюле, а затем одарил меня своей самой обаятельной улыбкой. – Поговорим позже.

Я попыталась пролепетать нечто вроде извинения, но меня отвлекла сумочка, которую Ребекка сжимала рукой в розовой перчатке.

– Что там? – спросила я.

– Контрабанда, – подбоченившись, ответила Софи. – Я уже несколько раз объяснила, что все украшения в домах, в которых будет рождественский ужин, должны быть аутентичными. То есть это должно быть только то, что люди могли найти у себя дома во время Войны за независимость.

Ребекка, похоже, была в ярости.

– Лишь потому, что тогда у колонистов не было ослепляющих пушек! – Она подняла вверх что-то похожее на маленькую лазерную пушку с болтающимся электрическим проводом. – Но если бы были, я уверена, что все их ананасы и чепчики были бы посрамлены.

Софи шагнула к Ребекке.

– Если не убрать эту штуку, посрамлены будут не только фрукты и чепчики!

– Стоп! – крикнула я, выхватывая из руки Ребекки ее «оружие». – Думаю, мы сможем спокойно поговорить об этом и потом. А пока давайте залезем внутрь, посмотрим, что там у нас есть, и решим, куда нам это пристроить, договорились?

В дверь влетел ледяной ветер, куда холоднее, чем сам холодный ноябрьский день. Я подняла глаза и увидела, что в вестибюль входят Вероника и Джек, а за ними – муж Вероники, Майкл. Я тут же уловила запах духов «Ванильный мускус», а затем увидела парящий за их спинами сгусток света, возвещавший о знакомом мне бесплотном духе.

Я поздоровалась с новоприбывшими, надеясь, что, как только Майкл отдаст сумки, которые принес в дом, он уйдет. После нашего нелицеприятного разговора, в котором он открытым текстом сказал мне, что я не должна помогать его жене в ее стремлении узнать, что более двадцати лет назад случилось с ее сестрой, я не сказала ему и пары слов. Я надеялась, что он так же старательно избегал меня, как и я его.

Я повернулась к Веронике и улыбнулась.

– Рада видеть вас в черном и белом. Что-то подсказывает мне, что нам, возможно, придется взять на себя роль рефери в споре Ребекки и Софи.

Взяв несколько пакетов с сушеными апельсинами и гвоздикой, я перенесла их к обеденному столу, чтобы кто-то, но только не я, искусно разложил их там. Я очень надеялась, что к тому моменту, когда я вернусь, Майкла здесь уже не будет.

– Привет, Мелани! – прозвучал рядом с моим ухом голос Майкла. От неожиданности я уронила на гладкое темное дерево стола один из пакетов и рассыпала апельсины, которые раскатились во все стороны. Я была на противоположной стороне стола и не могла дотянуться до них прежде, чем они свалятся на пол. Обзор мне закрывала огромная центральная композиция из цветов и зелени из нашего сада, которую миссис Хулихан меняла почти каждый день. Я замерла, ожидая, когда апельсины упадут на пол.

Услышав в наступившей тишине, как Генерал Ли вылизывается под столом, я медленно подошла к другой стороне и остановилась: у самого края стола, словно солдаты, в аккуратную шеренгу выстроились шесть апельсинов.

– Как вы это сделали? – спросил Майкл. Его голос прозвучал громче обычного.

Я обыскала глазами комнату в поисках Адриенны, призрачной сестры Вероники, гадая, почему она прячется от меня. Но я знала: она рядом. Я чувствовала запах ее духов, как будто их только что распылили в воздухе прямо передо мной.

Я встретила его взгляд.

– Магия, – сказала я.

Он даже не улыбнулся.

– Я не верю в магию.

– Вам не нужно в нее верить, чтобы ее увидеть.

Он взял один из апельсинов и начал рассматривать, возможно, надеясь увидеть квадратную «попку».

– Я рад, что Вероника нашла себе занятие, помимо бессмысленных поисков убийцы ее сестры, – сказал он, отводя от меня взгляд. – Надеюсь, вы помните, что я сказал раньше, – для меня важно, чтобы вы не вмешивались в... навязчивую идею Вероники. Если ее не поощрять, она исчезнет гораздо быстрее.

Я пыталась сдерживать себя.

– Я не считаю желание раскрыть убийство сестры «навязчивой идеей». На мой взгляд оно вполне разумно. Что касается того, что я ей помогаю, то она меня не просила.

Он все еще держал апельсин, но его взгляд метнулся назад и встретился с моим.

– А если она это сделает? Я знаю, она хочет, чтобы вы «пообщались» с Адриенной – или как это у вас называется, когда вы говорите с мертвыми? Вы бы сказали «да»?

– Я никогда не утверждала, что общаюсь с мертвыми. – По крайней мере, это было правдой. Отрицание всегда было моим лучшим другом, когда дело касалось моего особого «дара». – Но мне хотелось бы думать, что я могу помочь Веронике другими способами справиться с ее горем, и если она попросит, я отвечу «да».

Он нарочито медленно и осторожно положил апельсин на середину стола и протянул руки ладонями вверх. На его лице была маска отчаяния.

– Я не знаю, что делать, Мелани. Вероника ни о чем другом не говорит, как будто верит, что если она узнает, кто убил Адриенну, ее сестра вернется. Я действительно опасаюсь за психическое здоровье Вероники. – Он на пару секунд закрыл глаза. – Пожалуйста, Мелани. Не вмешивайтесь. Этим вы ей не поможете, а возможно, даже навредите. Ей нужно забыть об этом и жить дальше, а не цепляться за прошлое.

Он на мгновение умолк, но я видела, что он хотел сказать что-то еще. Просто он не знал, сколько и стоит ли ему вообще говорить.

– Это негативно влияет на Линдси, – наконец сказал он. – Она почти не спит по ночам, а ее оценки в школе снижаются. – Он поджал губы. – Это разрушает наш брак.

Я скрестила руки на груди.

– Мне очень жаль, Майкл. Честное слово, очень жаль. И я могу лишь пообещать вам, что не стану ее поощрять. Большого я вам обещать не могу.

– Тогда вы наверняка пожалеете об этом. Вряд ли Нола обрадуется, если Линдси будет запрещено видеться с ней. Или если ваши таланты станут достоянием гласности.

Его рот дернулся. Он явно сдерживал не то гнев, не то слезы. Я не могла сказать, что именно. А когда он говорил, его голос звучал еле слышно.

– Я хочу вернуть нашу прежнюю жизнь, и я вижу в вас потенциальную тому помеху. Пожалуйста, Мелани. Я очень вас прошу, не поощряйте ее.

– Не буду. Но если я могу помочь, разве вы не хотите узнать правду о том, что произошло?

Он пожал плечами.

– Мы уже это знаем – Адриенну убил ее парень, а его товарищи по студенческому братству помогли ему создать алиби, благодаря чему все сошло ему с рук. Вероника считает, что найденное ею ожерелье указывает на то, что в этом был замешан кто-то еще, но мне кажется, что она всего лишь принимает желаемое за действительное. Даже детектив Райли не может найти никакой связи. – Майкл покачал головой. – Хотел бы я, чтобы мы никогда не находили это дурацкое ожерелье.

Я повела его прочь из столовой.

– Да, может быть, все наладится. В любом случае, я уверена, что сегодня вечером мы все будем заняты украшением дома и нам будет некогда говорить об убийстве или предполагаемых уликах. Мы будем рады отвезти Веронику домой, так что вам нет необходимости ждать ее здесь.

Звук падения за моей спиной заставил меня обернуться – и как раз вовремя. На пол у ног Майкла плюхнулся ком оранжевой мякоти, а на его лице виднелось красное пятно – аккурат там, где апельсин, должно быть, столкнулся с его челюстью.

Вытаращив глаза, он перевел взгляд с меня на апельсин, быстро повертел головой, как будто ожидал увидеть в комнате кого-то еще.

– Извините, – сказала я. – Предполагалось, что они будут сушеными. Должно быть, в коробку положили свежий. – Я сделала вид, будто это единственно странное свойство летающего апельсина.

– Как вы это сделали? – спросил он, держа апельсин и оглядывая комнату.

– С помощью магии, – с напором сказала я, как будто моя интонация могла заставить его в это поверить, и с улыбкой вышла из комнаты. Майкл поспешил за мной, следом потянулся аромат духов Адриенны.

Глава 6

Отец поднял на руки Генерала Ли, нехотя посадил его в мою машину и скользнул рядом с ним на заднее сиденье.

– Это и вправду необходимо? – спросил он, придвигаясь к псу, и крепко почесал его за ушами.

– Да, – ответила Джейн, пристегивая ремень безопасности рядом со мной. – Многие собаки ищут дом, и мы не хотим быть частью проблемы. Порги и Бесс пройдут процедуры на следующей неделе, так что это хорошая практика для всех нас.

К тому времени, как я вышла на улицу, Генерал Ли тяжело дышал. В его глазах застыла тревога. Я посмотрела в зеркало заднего вида на отца.

– Ты сказал ему, куда мы идем?

– Возможно, я упомянул об этом. Думаю, мужской разговор был нам необходим.

Я закатила глаза. Мы ехали на встречу с Энтони, а поскольку наш путь пролегал мимо ветеринарной клиники, Джейн записала Генерала Ли на кастрацию. До того, как я унаследовала пса, я никогда раньше не держала собак и ничего не знала о них. Я понятия не имела, сколько ему лет и что его мужское хозяйство было в целостности и сохранности, пока не появились на свет Порги и Бесс. И Нола, и Джейн с тех пор приставали ко мне, требуя «принять меры», но всякий раз, когда я спрашивала его об этом, он бывал отнюдь не в восторге. Накануне вечером Нола приготовила в честь Генерала Ли особый десерт, состоящий из ореховой смеси, завернутой в веганское тесто без сахара, скатанное в форме маленьких шариков. Знали бы вы, какая это была вкуснотища! Но, возможно, я просто отчаянно нуждалась в сладком.

Я включила в машине обогреватель и немного приоткрыла заднее стекло, чтобы Генерал Ли мог высунуть голову – одно из его любимых занятий. Но он проигнорировал манящее окно и стоически глядел прямо перед собой, как идущий в бой солдат. Когда мы его высадили у клиники, я чмокнула его в макушку и подождала, когда медсестра уведет его.

– Помни, милый мальчик, – крикнула я ему вслед, – что когда все закончится, нас ждет свидание с Синди Лу!

Генерал Ли разок оглянулся, тихонько твякнул и, высоко задрав голову и хвост, бросился, опережая медсестру, к двери. Обнаружив, что мои глаза полны слез, я ссутулилась и, прежде чем вернуться в машину, быстро вытерла их.

По мосту через реку Эшли мы покатали на юг по шоссе № 17 в сторону шоссе № 61. Хотя этот мост не столь живописен – в отличие от моста Равенель через реку Купер, с которого водителям открывается вид на силуэт Священного города и шпили многих его церквей, давших Чарльстону это прозвище, я залюбовалась видами реки Эшли и окрестных болот. Наверное, потому, что, каждый раз пересекая мост Равенель и видя в порту Чарльстона круизный лайнер, я слышала пренебрежительный голос Софи.

Среди жителей все еще можно было часто услышать недовольное бурчание по поводу высоты круизных лайнеров, подавляющих своими размерами исторические здания, которые прятались в их тени, словно заметившие ястреба кролики. Похоже, голос Софи прочно обосновался в моем мозгу, как моя совесть, поскольку я слышала его, когда искала новые обои, чтобы заменить в столовой старинные, расписанные вручную, или с помощью электрической циклевочной машинки снимала стойкую краску на двери детской.

Когда мы свернули с автомагистрали № 17, Джейн указала на рекламный щит посещения авианосца «Йорктаун», пришвартованного в районе Патриотс-Пойнт на горе Плезант.

– Ой, смотрите, авианосец! – сказала она, постукивая по окну. – Мама сказала, что она свободна весь день и может присмотреть за детьми. Так, может, в другой день мы втроем могли бы...

Я с ужасом посмотрела на нее. Однажды я уже совершила ошибку, присоединившись к классу Нола во время экскурсии по кораблю. Помнится, тогда я поставила себя в дурацкое положение тем, что была вынуждена уйти всего через пятнадцать минут после того, как мы поднялись на борт. Мне следовало предположить, что многочисленные матросы, в свое время служившие на корабле, возможно, никуда не ушли и все эти годы ждали, чтобы с кем-нибудь поговорить.

Прежде чем меня вежливо выпроводили с корабля, Нола сказала мне, что я так громко горланила песню *Take a Chance on Me*, что никто не слышал гида. Я не помнила этой части, ибо все мое внимание было приковано к толпе раненых матросов, которые, выкрикивая мое имя, надвигались на меня, и к улыбающемуся человеку в форме и с отсутствующей половиной лица. Этот говорил мне, что его зовут Джон и ему нужно срочно вернуться домой, чтобы повидать свою девушку, Долорес. Помню, как я хватала ртом воздух, вдыхала запах немых тел и свежей крови и слышала, как мое имя повторялось снова и снова.

– Нет. – Я даже покачала головой, чтобы подчеркнуть это слово. Я не смотрела на нее, надеясь, что мой резкий ответ – все, что ей нужно.

Отец наклонился вперед с заднего сиденья.

– Наверное, это не лучшая идея, Джейн. Я к тому, что если бы такая вещь, как паранормальная активность, существовала, то я, помимо кладбища или больницы, выбрал бы старый авианосец, принимавший во время войны участие в боевых действиях. Судя по нашим разговорам, это имело бы смысл, верно?

Джейн тепло улыбнулась ему.

– Ты совершенно прав. Спасибо.

Я украдкой посмотрела на отца, чтобы убедиться, что он не шутит. Я была рада, что он наконец начал прислушиваться к кому-то и не сворачивать тему, которая всегда была для нас табу. Еще больше я была рада тому, что он полностью принял Джейн. Но, словно крошечная заноза, застрявшая под кожей, та легкость, с которой он прислушивался к Джейн и пытался понять ее точку зрения, не давала мне покоя. Легкое раздражение, которое можно было легко отбросить. Или оставить гноиться. Или – мой любимый вариант – игнорировать, пока оно не пройдет само по себе. Я намеренно сосредоточила внимание на мелькавшем мимо пейзаже – хотела отвлечься от воспоминаний о тех случаях, когда эта стратегия с треском провалилась.

Осень на побережье – это не столько перепады температуры или тот факт, что у нас порой за одну неделю бывают все четыре времени года. Напротив, смена сезонов отмечена постепенным смещением света и вымыванием цвета высокой морской травы и деревьев. Лишь живые дубы и южные магнолии цеплялись за свою зелень, в то время как все остальное блекло до мутной позолоты и различных оттенков коричневого. Претензия Новой Англии, славящейся своей красивой осенней листвой, на первенство вполне заслуженна, но осень на нашем побережье носит свою собственную корону, усыпанную драгоценными камнями. Это была одна из главных причин, по которой я любила называть это место своим домом. И, наверное, я любила бы его гораздо больше, не будь оно полно беспокойных духов, но, по крайней мере, пейзаж был красивым.

Джейн читала указания, которые дал мне Энтони. Впрочем, они были настолько просты, что мне не нужно было их записывать. Проехать около десяти миль по шоссе № 61, затем повернуть направо на немаркированную дорогу, следом повернуть у красной стрелки на деревянном указателе.

Первый раз я пропустила указатель и была вынуждена развернуться. Трясаясь по ухабам, мы проехали небольшое расстояние по грунтовой дороге и наконец выехали к большому деревянному знаку, прибитому к старому дереву. Я была несказанно рада, что Софи с нами не было и она не видела этого безобразия. Синяя краска потускнела, но большие буквы читались легко. ПЛАНТАЦИЯ ГАЛЛЕН-ХОЛЛ.

Джейн посмотрела на меня.

– Галлен-Холл? Мне казалось, плантация Вандерхорстов называется Магнолия-Ридж.

– Место то самое, только название другое. Запутанная история, поэтому я расскажу ее тебе позже, но я рада, что Энтони предупредил нас, чтобы нам не пришлось искать не ту плантацию. Похоже, в Южной Каролине все меняется медленно, потому что большинство людей до сих пор называют ее Магнолия-Ридж, хотя смена названия произошла двести лет назад. Стань я спрашивать местных, где тут Галлен-Холл, мы бы все еще колесили здесь в поисках.

Мы обе вновь повернулись к знаку. Под названием плантации были видны края черных букв. Они проступали над глубокими и повторяющимися царапинами в древесине, как будто нанесенными острой палкой. Или ножом. Очевидно, кто-то пытался стереть все, что там было написано. Интересно, это как-то связано с обанкротившейся винодельней? Какой же силы должна быть вражда между братьями, чтобы вылиться в такого рода действия?

Мы въехали в открытые железные ворота на кирпичных столбах, на каждом из которых наверху стояло по бетонному ананасу. По словам Софи, в Чарльстоне это был символ гостеприимства, отсюда и две дюжины ананасов, которые она заказала для моего дома для рождественского ужина. Я сказала ей, что ненавижу ананасы, и присовокупила несколько конкретных советов по поводу того, что ей делать с остатками еды после экскурсионного тура. Увы, она не поняла юмора.

Мы покатали по длинной дороге, обсаженной столетними деревьями. В какой-то момент отец наклонился вперед и с заднего сиденья посмотрел в лобовое стекло.

– Значит, когда-то это принадлежало тем же Вандерхорстам, которые были хозяевами твоего дома.

Я кивнула.

– Но к тому времени, когда Невин Вандерхорст оставил мне дом номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит, семья уже лишилась плантации. – Я резко крутанула руль, объезжая большой камень посреди дороги. Мы все дернулись. – В двадцатых годах она недолгое время принадлежала Джозефу Лонго, а недавно Марк Лонго купил ее, полагая, что здесь спрятаны алмазы Конфедерации. А когда обнаружил, что их тут нет, попытался купить мой дом, полагая, – абсолютно верно, как оказалось, – что они там. Правда, мы не дали ему найти их первым.

Отец откинулся на спинку сиденья.

– Тебе как будто жаль этого парня.

– Еще не хватало! – в один и голос воскликнули мы с Джейн.

– Тем более что он все еще не оставляет попытки прибрать к рукам мой дом, – добавила я. – Но, как сказала наша прекрасная библиотекарь Ивонна Крейг из Библиотеки исторического общества, Марк получит по заслугам. Ее единственное желание – чтобы мы все стали тому свидетелями.

– Вандерхорст... Вандерхорст, – пробормотал отец почти себе под нос и постучал пальцами по кожаной обивке на спинке моего сиденья.

– В чем дело, папа? – спросила я.

– Я помню, что недавно читал что-то о Вандерхорстах. Ивонна помогает мне находить в архивах старые планы и статьи о садах в нашем и вашем доме, поэтому я много читал о Вандерхорстах. – Он почесал затылок. – Твой рассказ о бриллиантах... кажется, я о них уже где-то читал.

Отец умолк, а когда я взглянула в зеркало заднего вида, поджал губы.

– Я помню, – продолжил он, – как я сделал для тебя копию статьи и куда-то ее засунул, а потом сразу о ней забыл. Мои мысли тогда были заняты наброском партерного сада в нашем доме на Легар-стрит, который я тоже где-то нашел, и я не думал ни о чем другом.

Мы с Джейн переглянулись.

– Да, как ты помнишь, мы нашли все бриллианты в напольных часах. Тем не менее было бы интересно посмотреть ту статью. Я работаю над памятным альбомом для Нола. Думаю, его копию можно было бы поместить в раздел о том, какой была наша жизнь до того, как Нола стала частью нашей семьи. У меня не так много материалов о том времени, когда она была маленькой девочкой, и я подумала, что разные штучки о нас с Джеком и нашей жизни до того, как она переехала к нам, могут быть ей интересны. Собственно, благодаря загадке алмазов Конфедерации мы с Джеком и познакомились.

– Я поищу эту статью, – сказал он. – И мы можем спросить Ивонну. У нее фантастическая память.

Ивонне, вероятно, было уже за восемьдесят, но выглядела она и вела себя как человек на пару десятилетий моложе. Она была беззаветно влюблена в Джека, которому годами помогала в работе по поиску исторических материалов, но я простила ее, ибо по собственному опыту знала непреодолимое обаяние Джека. Это одна из причин, почему у него было трое детей, ни один из которых заранее не планировался.

Мы подъехали к перекрестку, и я остановила машину. Дорожный указатель лежал лицом вверх, грязный и в пятнах, вызванных непогодой. Половина деревянного кола все еще торчала в земле, его верх, там, где его обезглавили, был зазубрен и расколот. Буквы на указателе едва читались: ВИНODEЛЬНЯ ГАЛЛЕН-ХОЛЛ.

– Энтони сказал, что кладбище и мавзолей находятся рядом с домом, так что я предполагаю, что нам вон туда.

Я поехала в противоположном направлении от несуществующей винодельни. Мне казалось, что мы направляемся в сторону реки Эшли. Большинство речных плантаций имели прямой доступ к реке для перевозки урожая и обычных путешествий. Все это и многое другое я узнала, очевидно, путем осмоса, общаясь с Софи. Я даже поймала себя на том, что при обсуждении объявления о недвижимости сыплю такими терминами, как *оконные проемы* и *остекление*, и даже вслух задаюсь вопросом, является ли конкретный цвет краски исторически точным для того или иного района.

Высокие сосны расступились в стороны, открыв взгляду аллею магнолий. Я знала, что это не те деревья, что остались от основателей-Вандерхорстов. Продолжительность жизни магнолии составляет от восьмидесяти до ста двадцати лет, хотя сообщалось, что некоторые бывали и в десять раз старше. Но этим было не меньше ста лет. Их темные стволы, толстые и корявые, напоминали раскрытые кисти рук с пальцами, держащими чаши, полные раскидистых ветвей и блестящих листьев. Я представила себе, как чудесно проехать по этой аллее весной, когда магнолии в цвету. И все же гнетущее чувство страха, которым, казалось, был пропитан воздух, когда мы подъехали ближе, вселило в меня надежду, что я больше никогда сюда не вернусь.

– Ты чувствуешь? – тихо спросила Джейн.

Я кивнула, волоски на затылке кололи кожу, как острые ногти. В конце переулочка виднелся огромный дом, а слева от него, отделенное огромным живым дубом в окружении скамеек в его щедрой тени, лежало кладбище. Ржавая железная ограда с закрытыми воротами моментально сообщила бы любому посетителю, что именно перед ним находится, но я поняла это по скоплению людей, одетых по моде прошлых веков, что прижимались к внутренней стороне ворот и смотрели прямо на нас.

Я тотчас загорланила *Knowing Me, Knowing You*. Джейн силилась вспомнить текст, чтобы подпеть мне. Таким образом мы обе пытались заглушить хор голосов, говоривших одновременно.

– Стоп! – крикнул отец с заднего сиденья. – Что ты делаешь?

Я резко нажала на тормоза. Нас всех бросило вперед, но ремни безопасности не позволили нам слететь с сидений.

– Извини, – сказала я, стараясь не глядеть на кладбище, чтобы призраки поняли намек, что мы не намерены вступать с ними в разговоры. – Я подумала, что прежде чем мы войдем внутрь, я сообщу, что Софи рассказала мне о доме.

– Мне казалось, ты уже это сделала.

Я встретила в зеркале заднего вида недовольный взгляд отца.

С облегчением услышав, как голоса стихают, я сглотнула, но мне требовалось больше времени, чтобы заставить их окончательно умолкнуть, прежде чем я была готова выйти из машины.

– Да, но не об архитектуре. – Я неуверенно улыбнулась ему. – Как вы, наверное, догадались, это не древнегреческое Возрождение. Первоначальный дом был построен холостяком и представлял собой простую ферму. К тому времени, когда в первой половине девятнадцатого века его внук унаследовал эту собственность и женился, плантация была гораздо прибыльнее. Именно его жена потребовала построить нечто более грандиозное, что соответствовало бы их положению в обществе. Ей непременно хотелось чего-то модного, как в Англии, а в Англии на тот момент в моде было подражание всему итальянскому.

Я толком не знала, какие элементы были необходимы, чтобы дом попал в категорию «итальянского», и мои выводы основывались лишь на том, что я узнала от Софи, и простом факте, что дом не был похож на поместье Тара из «Унесенных ветром». Мне просто требовалась причина, чтобы не ехать дальше, в основном из-за британского солдата в красном мундире, который в данный момент стоял посреди дороги, направив свой мушкет прямо на нас. Шумный вздох дал мне понять, что Джейн тоже его увидела. А вот отец, похоже, оставался в блаженном неведении о присутствии солдата с ружьем.

– Это она поменяла название плантации с Магнолия-Ридж на Галлен-Холл? – спросил он.

– Нет, – ответила я с почти незаметной дрожью в голосе. – Это случилось примерно в период британской оккупации Чарльстона во время революции, вскоре после постройки первого дома. Но на всех старых картах и даже на некоторых новых она по-прежнему именуется плантацией Вандерхорстов – Магнолия-Ридж. Интересно, как последующие владельцы относились к тому, что люди до сих пор называют ее старым именем, как будто Вандерхорсты никогда не покидали ее.

– Может, им было все равно, – еле слышно сказала Джейн. Я бросила на нее пристальный взгляд. Она сидела прямо, сосредоточившись на дороге впереди нас. И я продолжила: – Софи не сумела выяснить причину смены названия, но думает, что это как-то связано с соперничеством между Вандерхорстами и Дрейтонами. Плантация Дрейтонов, «Магнолия», была основана примерно в то же время, но Вандерхорсты хотели, чтобы их собственная плантация тоже называлась «Магнолией», поэтому они просто добавили слово Ридж, чтобы как-то различать их. Кто-то, в конце концов, понял причину и изменил название, чтобы избежать путаницы. А чтобы все знали, какую плантацию они посещают, Вандерхорсты выпустили на лужайку настоящих павлинов, где те обитали вплоть до Гражданской войны.

Я посмотрела в лобовое стекло: призрак солдата начал тускнеть. От земли, словно пар, поднялись волны света, а затем он полностью исчез.

– А что случилось с павлинами? – Голос Джейн звучал тверже моего, но все же я уловила в нем легкую дрожь.

– Их съели. – Мы переглянулись. – Это было во время войны, и все голодали. – От того, что могло быть частью мушкета, которого больше не было, отразился луч солнца, и я нахмурилась. – К счастью, по словам Софи, с того момента, когда название изменили на Галлен-Холл, на всем, что находилось на плантации, включая бочонки с рисом и всю мебель, изображался павлин. Готова спорить, это один из первых случаев применения логотипа.

– Может, поедem быстрее? – нетерпеливо спросил отец. – Сегодня вечером я выступаю в клубе садоводов, и я хотел бы предварительно просмотреть свои записи.

– Конечно, – сказала я, вновь неохотно нажав на педаль газа, и мы поехали дальше. Впереди уже замаячил дом, когда мы услышали позади себя вой сирены. Я съехала на обочину, уступая дорогу машине без опознавательных знаков, но с мигающим индикатором на приборной панели. Обдав нашу машину грязью, она с визгом остановилась на круговой подъездной дорожке прямо у крыльца дома. Не зная, что делать, я поехала следом и припарковалась сразу за ней.

Детектив Райли – в темных очках, куртке и галстук – вышел из водительской двери и хмуро посмотрел в нашу сторону. Джейн рядом со мной напряглась.

– Он высокий. В голубой рубашке.

Отец уже вылез из нашей машины, шел к нему, протянув для рукопожатия руку, и улыбался. Я схватила сестру за плечо и осторожно встряхнула.

– Давай, Джейн. Не бойся. Мы ведь тренировались, помнишь? Это детектив Райли. Томас. Мы его знаем. Ты ходила с ним на свидания. Он хороший парень.

Я видела, как она, сглотнув комок, кивнула.

– Я могу сделать это.

– Да, – сказала я, открывая дверь. – Ты сможешь. Если только не хочешь изобразить из себя тупую девчонку, которая впервые встретила Элвиса.

Мы вместе подошли к детективу. Тот приветствовал нас обеих формальным кивком. Это напомнило мне, что, по словам Джейн, они в ссоре.

– Рада видеть тебя, Томас, – сказала я с улыбкой. Его резкость была для меня в новинку. – Почему ты здесь?

Его взгляд переместился на Джейн, затем вновь на меня.

– Я собирался задать вам тот же вопрос.

Джейн опередила меня.

– У нас назначена встреча с Энтони Лонго. – Она говорила медленно, как будто подбирая слова, но, по крайней мере, ее речь была связной.

Он нахмурился еще больше.

– Что ж, боюсь, его здесь нет.

– Как... нет? У нас тут назначена встреча. – Я растерянно умокла. – А откуда тебе известно, что его здесь нет?

– Потому что он в больнице. Кто-то пытался сбить его, столкнуть с дороги. С ним все будет в порядке, но его машина разбита.

– Слава богу, – сказала я. Кожу на шее теперь покалывало еще сильнее. – Что случилось? Некоторое время он молчал, словно решая, что еще можно сказать.

– Пока что не все ясно, хотя свидетели утверждают, что это была авария с участием одного автомобиля. Водитель был не совсем... в себе. Твердил, что кто-то прятался на его заднем сиденье, что и стало причиной аварии. А потом он добавил, что здесь, на винодельне, у него назначена встреча и что он боится, что этот же человек может быть здесь и может навредить людям. Я решил, что это надо проверить. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что это вы!

Пока мы разговаривали, отец направился к кладбищу. Он шел, прихрамывая, чего за ним никогда не водилось.

– Папа? Ты куда?

Он продолжал идти к воротам кладбища, как будто не слышал меня.

Джейн двинулась за ним следом.

– Пап! – позвала она. Я слишком переживала за него, чтобы меня раздражало это слово в ее устах. – Что случилось?

Отец подошел к воротам. Те с громким визгом старого заржавевшего железа распахнулись.

– Стой! – крикнула я, чувствуя, как температура резко упала.

Отец остановился и медленно повернулся ко мне, но это был не он. Совсем нет. Те же волосы с проседью, та же сильная челюсть и кривой нос, несколько раз сломанный в драках в баре, прежде чем он начал трезвую жизнь. Но это был не мой отец. Кто бы это ни был, он искажил его черты, размыл их, словно чернила под дождем.

Я застыла в паре шагов от отца. От него исходили волны зловония. К горлу подкатился комок желчи.

– Папа! – крикнула я. Я не называла его так с шести лет.

Его рот скривился, глаза впали.

– Уходи! Прочь! – Голос был громким и гулким, и определенно не отцовским. Его колени начали подгибаться, но я не смогла сдвинуться с места. Как будто кто-то держал меня за спиной за руки. Томас рванул вперед и добежал до моего отца прежде, чем тот рухнул на землю.

Глава 7

Я стояла в саду за домом, глядя, как аспиранты Софи – те немногие, кто согласились вернуться – откапывают цистерну, стараясь держаться от нее подальше, чтобы не слышать шепот невидимых людей. Ассистентка Софи, Меган Блэк, в милых наушниках в форме банта и розовом поясе с инструментами поверх стеганой куртки от *Burberry*, склонилась с небольшой щеткой над рядом грязных кирпичей. Я могла лишь гадать, во сколько ей обходится ежемесячный счет за химчистку. Возможно, его оплачивает ее мать, и она же покупает дочери одежду.

Я вспомнила, что сказал Энтони о кирпичах цистерны, доставленных из мавзолея в Галлен-Холле. Я не сомневалась, что так и было. С тех пор, как я увидела возле края цистерны призрак мужчины, держащего украшение, я знала: воздух в саду за домом заставляет трепетать, как крылья птицы, что-то помимо закопанной керамики и столового серебра. Я просто игнорировала правду, в чем изрядно поднаторела. Я не была уверена, связана ли темная тень в комнате Нолы с цистерной, или это просто нечто неприятное, возникшее во время неудачной (и, надеюсь, всего одной) игры с доской Уиджа, в которую Нола играла со своими подружками. Или все же они были неким образом связаны – энергии трех девочек-подростков, вызывавших темных духов, что таились во всех тенях, ожидая возможности вторгнуться в нашу жизнь.

– Ты такая соблазнительная, когда о чем-то задумываешься.

Почувствовав присутствие Джека еще в тот момент, как он вошел в сад, я даже не вздрогнула. Наше обоюдное влечение было таким же сильным, как притяжение океанских приливов к луне. Или, как он однажды сказал мне, неудачно подобранных цветов к табличкам на зданиях Совета по архитектурному надзору. И он был прав.

Он поцеловал меня в шею, обнял за плечи. Я не догадалась надеть пальто и была благодарна ему за его тепло.

– Не замерзла? – спросил он, привлекая меня к себе.

– Я не планировала оставаться здесь надолго. У меня назначено собеседование с другим дизайнером, и я подумала, что пока жду, зайду проверить, как идут дела. Хотелось бы устранить эту проблему до рождественского ужина. Это такое бельмо в глазу.

– Что ж, даже если оно все еще здесь, я уверен, твой отец сможет сделать так, будто это придумал сам Лутрел Бриггс. Кстати, как там твой отец? Я разговаривал с ним вчера вечером, и он сказал, что к тому моменту, когда его снова погрузили в машину, все было в порядке, и он якобы не помнит ничего из того, что случилось.

– Да, – сказала я. – Только сейчас он настаивает на том, что, возможно, потерял сознание оттого, что у него резко понизилось кровяное давление. И он до сих пор не разговаривает со мной, потому что я настояла на том, чтобы он остался в постели и пропустил вчерашнее собрание клуба садоводов.

– Это довольно серьезно. Тебе пришлось запереть его в спальне и задраить окна? Либо это, либо ему действительно было больно. Это единственное, что заставило бы его прислушаться.

– Я тоже так подумала. Ты ведь знаешь, как он любит свой садоводческий клуб. Единственное, что его успокоило, – заверение Джейн, что на заседании она будет говорить от его имени, поскольку уже ознакомилась с его записями по данной теме. Очевидно, они проводят много времени вместе в саду.

– Как хорошо, что у него есть Джейн, – сказал он.

– Еще как хорошо! – Раскаленная добела искра чего-то такого, что ворвалось в меня вчера, когда Джейн сделала свое предложение, а отец его принял, как будто взорвалась жарким фейерверком, стоило мне вновь мысленно прокрутить этот разговор. Я повернула голову и посмотрела на Джека. – Разве ты не должен сидеть сейчас за письменным столом?

Он отвел взгляд, сделав вид, будто с большим интересом изучает работу, ведущуюся внутри цистерны.

– Я просто сделал перерыв... мне ведь разрешены перерывы, правда? – В его голосе мне послышалась непривычная нотка.

– Конечно. Но я слышала, как ты играл с детьми в детской, так что мне просто было интересно. Все в порядке?

– Все в порядке, – быстро ответил Джек. – Просто прорабатываю сцену с Баттон Пинкни и ее невесткой, – добавил он, имея в виду бывших владельцев дома Джейн на Саут-Бэттери. – Трудно создавать диалоги для реальных людей, вот и все.

– Представляю! – сказала я. – Но я абсолютно уверена, что твоя книга станет следующей «Полночью в саду добра и зла». Разве не так сказал твой редактор?

– Бывший редактор, – с серьезным лицом поправил меня Джек.

Мой взгляд переместился за его спину на окно спальни Нолы. Интересно, тень, которую я там видела, – лишь плод моего воображения? Ладно, или *сейчас, или никогда*. Я глубоко вздохнула и, как говорится в пословице, опоясала свои чресла.

– Хочу тебе кое-что показать.

Джек приподнял бровь и одарил меня похотливой ухмылкой.

– Я тоже. У нас есть время?

Я игриво толкнула его локтем в бок. Интересно, он когда-нибудь станет взрослым? Если честно, мне этого не хотелось бы.

– Это не то, что я имела в виду. У меня есть фотография задней части дома, которую сделала Меган. Там есть кое-что такое, что тебе нужно увидеть.

Он посмотрел на Меган. Та увлеченно смахивала щеткой землю с чего-то похожего на старую палку.

– Она сегодня только что вернулась на работу после снятия гипса. Когда она сделала этот снимок? – Джек с прищуром посмотрел на меня.

– Привет! – На дорожке, ведущей из-за дома, стоял высокий мужчина в безупречном сером костюме. – Ваша няня была на крыльце с двумя очаровательными малышами. Она сказала мне, что я могу найти вас двоих здесь. Он подошел ближе и протянул руку. – Я Греко.

Я так обрадовалась, что увильнула от ответа на этот вопрос, даже не успев поразиться появлению незнакомца. Мы тоже представились, он пожал нам руки и подождал, когда мы заговорим. Поскольку мы этого не сделали, он подсказал:

– Я дизайнер. У нас была назначена встреча.

Я растерянно посмотрела на него, отметив про себя и желтый шелковый галстук от Hermès, и платочек ему в тон в кармане пиджака. Он был очень высокого роста, с пронизательным взглядом и приятной улыбкой, и что еще лучше, без каких-либо бесплотных прихвостней.

– Да, – сказала я, – но я ожидала кого-то по имени Джимми – друга нашего мастера Рича Кобилта. Я неправильно поняла?

Он рассмеялся.

– Моя фамилия – Дель Греко, но зовут меня Джеймс, или, как называют меня друзья и родные, Джимми. Моя сестра сказала, что прозвище Греко больше подойдет дизайнеру.

Джек весело улыбнулся.

– Не могу с этим поспорить. Значит, вы с Ричем хорошие друзья?

Греко кивнул.

– Еще с начальной школы. И даже были соседями по комнате в Клемсоне. Оставались на связи даже после того, как я уехал учиться на медбрата. Я дипломированный медбрат, но после того, как все мои друзья и родственники начали просить меня о помощи в дизайне, я понял, что выбрал не ту профессию.

Джек понимающе кивнул.

– Иногда я задаюсь тем же вопросом. Мелли не раз говорила, что я тот человек, к кому можно обратиться, когда требуется пристроить бездомную оттоманку или разместить аксессуары на книжной полке.

Греко с уважением посмотрел на Джека.

– Все думают, что умеют это делать, но на самом деле лишь немногие.

– Это верно, – сказала я, ведя его к двери кухни. Меня мучил вопрос: насколько уместно спросить его, что общего у них с Ричем Кобилтом, поскольку, очевидно, это было не следование моде.

Когда мы вошли на кухню, Генерал Ли в своем позорном конусе стоял мордой к стене. Хотя конус был прозрачным, он вел себя так, как будто не мог сквозь него видеть и никто не мог видеть его. Не считая коротких перерывов, чтобы поесть, попить и ненадолго выйти на улицу, чтобы облегчиться, он оставался в этом положении, стоически принимая свою судьбу. Это было грустно и трогательно одновременно, и я, когда никто не видел, угостила его дополнительными лакомствами и сообщила, когда он сможет наконец увидеть Синди Лу. Не могу сказать, что воодушевило его больше.

– Боже мой, – сказал Греко и, заметив пса, остановился. – Вы поступаете так со всеми, кто вас обижает?

Меня слегка задело то, что он обратился со своим вопросом ко мне. Я нахмурилась, но Джек пришел мне на помощь:

– Это Генерал Ли. Он только что перенес большую операцию.

Генерал Ли повернул голову, посмотрел на нас долгим укоризненным взглядом, после чего продолжил изучение краски на стенах.

– Бедняга, – сказал Греко. – Я бы погладил его, но у меня такое чувство, что он предпочел бы сейчас побыть один.

Джек кивнул.

– В данных обстоятельствах он держится молодцом, но то и дело с мольбой смотрит на меня, чтобы я, не дай бог, не сел в машину с Мелли и не позволил ей сесть за руль.

Греко приподнял брови, но, похоже, как человек умный, промолчал. Он отклонил мое предложение перекусить. Я зашагала на второй этаж, а он неторопливо оглядел фойе и, судя по его глазам, воздал ему должное.

– Итак, – сказал Греко, пока мы поднимались вверх, – вы разговаривали с другими дизайнерами?

Джек кашлянул.

– Всего с парой дюжин. Мелли...

– На редкость, – продолжила я.

– Придирчива, – сказал одновременно со мной Джек. Я сердито посмотрела на него.

– Под «придирчивым» он подразумевает, что мне нравится...

– Когда с ней не спорят, – продолжил Джек. – Помимо безупречного вкуса и способности работать в рамках бюджета, любой дизайнер, которого мы нанимаем, также должен обладать некоторыми знаниями психологии, особенно обсессивно-компульсивных расстройств.

Мой локоть соприкоснулся с твердым как камень прессом Джека, и я с удовлетворением услышала сдавленное «ой».

– И, возможно, навыками самообороны, – продолжил Джек. – Хорошо, что у вас есть диплом медбрата, – это большой плюс в вашу пользу. Кстати, вы умеете пользоваться маркировочным пистолетом?

Я повернулась спиной к Джеку и лицом к Греко.

– Не обращайтесь на него внимания. Он писатель и большую часть времени живет в мире фантазий. Никогда не знаешь, что слетит с его губ в следующий раз.

– Рад слышать, – сказал дизайнер, даже не моргнув глазом. Приятное разнообразие. Другие дизайнеры, с которыми я беседовала до него, ретировались еще до того, как мы успевали подняться по лестнице. Так что я восприняла это как хороший знак.

Дверь спальни была закрыта. Так было с тех пор, как в марте мы переселили Нолу в гостевую комнату, когда я увидела в ее окне чье-то лицо и почувствовала в коридоре наверху присутствие темной тени. Она все еще была там, все еще ждала. И наблюдала. Я просто не знала, с какой целью. Или как долго.

Когда я оправдывалась тем, что мне нужно отремонтировать комнату Нолы, чтобы вынудить ее переехать в гостевую комнату, моей главной заботой было то, что у меня не будет денег на крупный ремонт. Но меня выручили мама и Амелия, согласившись, что это отличная идея: Нола ведь уже взрослая девушка, и ее спальня должна отражать ее формирующуюся зрелость. Они были исполнены такого воодушевления, что решили разделить расходы на рождественский подарок Ноле.

– Итак, – сказала я, поворачиваясь к обоим мужчинам. – Это комната Нолы. Она только начала свой первый год обучения в школе «Эшли-Холл», и нам хотелось бы, чтобы ее комната не только отражала ее эклектичные вкусы, но и была бы теплым и комфортным местом, куда ей хотелось бы вернуться, когда она будет учиться в колледже.

Мы с минуту стояли в коридоре, улыбаясь друг другу. Наконец Джек кашлянул.

– Может, зайдём внутрь и посмотрим?

– Да, – сказала я. – Конечно.

Я взяла дверную ручку и повернула ее. Ничего.

– Дверь заперта? – спросил Джек, делая шаг вперед, чтобы открыть ее.

– Надеюсь, что нет, – сказала я, – потому что ключ только один, и он обычно находится с другой стороны двери.

Мы многозначительно переглянулись.

– В старых домах обычно есть отмычки, – вмешался Греко. – Может, ваша экономка знает, где находится таковая?

– Да, – согласилась я, – но я не думаю, что она заперта. Ее просто... заклинило.

Джек снова попытался повернуть ручку и с силой навалился на дверь боком. Я увидела, как та поддалась. Между ней и дверным косяком просочился тонкий луч света. Значит, она определенно не заперта. Но что-то с другой стороны не давало ей открыться.

Внизу открылась и закрылась входная дверь.

– Эй! – раздался голос Нолы. – Есть кто-нибудь дома?

Я закусила губу. Мне не хотелось, чтобы она увидела борьбу с дверью и поняла ее причину. Я услышала, как ее рюкзак с учебниками шлепнулся на пол у подножия лестницы, – надо будет вновь поговорить с ней на эту тему, – а затем она взбежала вверх по лестнице, и я поняла, что, увы, слишком поздно. Ее уже не остановить.

– Требуется помощь? – спросила она, направляясь к своей спальне.

– Все нормально... – начала было я, но она уже протиснулась перед Джеком, оценила ситуацию и повернула ручку. Дверь распахнулась. Мы застыли на месте, глядя в комнату, и не знали даже, что сказать.

Первое, что я ощутила, это запах лошадиного пота и кожи, а также стойкий запах пороха. Я поморщила нос, гадая, почему он кажется мне таким знакомым, и вспомнила, что недавно нюхала его. Второе, что бросилось в глаза, – вся оставшаяся мебель и постельные принадлежности были сложены на ковре этакой шаткой пирамидой, доходившей до верха столбов антикварной кровати. По стенам было размазано нечто похожее на засохшую грязь, и на первый взгляд казалось, что это случайные штрихи и фигуры. Но, присмотревшись, я увидела, что отдельные буквы образовали слово. Ее как будто в гневе и ярости швырнули на стену, эту густую от ненависти грязь. *Предан.*

– Итак, – сказал Греко, целеустремленно входя в комнату, и повернулся, чтобы осмотреть царивший в ней разгром. – Похоже, нам здесь предстоит много работы.

Джек, Нола и я обменялись удивленными взглядами и снова посмотрели на дизайнера.

– Вы нам подходите, – сказала я и порывисто обняла его.

Глава 8

Я сидела на складном пластиковом стуле в пустом доме, коротая время с коробкой сушеных апельсинов, а точнее, втыкала в них зубчики гвоздики по образцу, который Софи продиктовала для помандеровых шаров. Предполагалось, что они будут украшать собой каждый рождественский венок и каждую настольную композицию в каждом доме, где будет проводиться исторический рождественский ужин. Это занятие заняло у меня больше времени, чем ожидалось: равномерно распределить зубчики оказалось сложнее, чем я думала, даже с помощью карманной линейки, которая, к счастью, лежала в моей сумочке. Вероятно и то, что я нарочно затягивала работу ради дополнительного удовольствия, которое получала всякий раз, представляя каждый апельсин куклой вуду моей бывшей лучшей подруги.

Я не торопилась закончить работу, поскольку Софи любезно набила заднее сиденье моей машины обрезками самшита, которые требовали «обработки», прежде чем мы сможем их использовать в нашей мастерской по изготовлению рождественских венков в колониальном стиле. «Обработка» предполагала резку, очистку, повторную нарезку и замачивание. По моему мнению, все четыре шага были излишни. Я очень надеялась, что у меня будет время зайти в магазин рукоделия и купить пластиковые. Гораздо меньше возни, зато прослужат вечно. Надеюсь, Софи не заметит разницы.

Этот дом стоял на Стейт-стрит и принадлежал клиенту, чье объявление о продаже я выбрала лишь потому, что уже продала им еще один дом на Гиббс-стрит. Обычно я не проводила дни открытых дверей, потому что даже когда я, по идее, бывала в доме одна, на самом деле я никогда одна там не была, и я чувствовала себя крайне неловко, пытаюсь объяснить свои внезапные всплески пения ничего не подозревающим потенциальным покупателям.

Но это был относительно новый (примерно 2002 года) особняк – или, как его называла Софи, «извращение всех архитектурных и исторических принципов», – построенный так, чтобы отдаленно напоминать дом, изначально стоявший на участке до того, как был заброшен, а затем обречен городом на снос. Я вспомнила, как Софи всякий раз одевалась во все черное и плакала, когда ей предстояло пройти мимо пустого участка, а затем, увидев, что там строится роскошный дом, стала откровенно к нему враждебной. По словам Софи, это был «Чарльстонский двойной дом на стероидах», но главная ее печаль заключалась в том, что дом был новый. Владельцами, моими клиентами, была милая пара средних лет из Бостона. Они счастливо прожили в этом доме несколько лет, пока не узнали, что наиболее престижным местом для владения домом в Чарльстоне считается район к югу от Брод-стрит. Я была не согласна с этим мнением, но не смогла устоять перед двойной комиссией. Особенно сейчас.

Услышав, как закрылись входные ворота, я встала, чтобы посмотреть в окно, ожидая увидеть другого риелтора и ее клиентов. Я подождала, пока не услышала на крыльце шаги, и, прежде чем они успели услышать, как дверной звонок пропел мелодию «Дикси», распахнула дверь. Кстати о звонке. Владельцы наверняка думали, что это очень мило и расположит к ним соседей. Увы, они ошиблись.

– Энтони! – удивленно воскликнула я, принимая костыли, которыми он пользовался из-за вывиха лодыжки. Его лицо было сплошь в синяках, рука на перевязи. Все это, видимо, было последствиями автомобильной аварии.

– Извините, – сказал он. – Наверное, мне следовало предупредить вас о моем приходе. Я позвонил в ваш офис, и ваша милая мисс Джолли сказала, что вы здесь.

Наша секретарь обычно бывала лучшим сторожевым псом, но я не сомневалась, что Энтони пустил в ход все свое обаяние. Я отступила и придержала для него дверь. Входя, Энтони огляделся по сторонам, как будто надеялся кого-то увидеть.

– Ваша сестра здесь?

– Нет, она присматривает за моими детьми. Она наша няня.

Мои слова его явно огорчили.

– Да, конечно. Просто я... Ладно, ничего страшного. Я пришел извиниться и, надеюсь, договориться с вами о еще одной встрече, чтобы посетить мавзолей.

Вспомнив отца и зловеющий голос, который вырвался из его рта, словно желчь, я содрогнулась.

– Я не уверена...

– Кто-то испортил мою машину, Мелани. Знаю, что не смогу это доказать, но в мой руль как будто кто-то вселился. Я не мог контролировать его, мне казалось, что у него есть собственный разум. Или как будто кто-то управлял им удаленно.

– Как это связано с тем, что я хочу осмотреть мавзолей?

– Это Марк, неужели вам непонятно? Он каким-то образом узнал, что я задумал, и теперь отчаянно пытается помешать нам найти то, что там может быть спрятано.

Жаль, что я этого не видела. Тогда мне не пришлось бы рассматривать другую, вполне реальную возможность того, что случилось с машиной Энтони.

– Нет, непонятно. Марк наглец, но он ваш брат. Я очень сомневаюсь, что он попытался причинить вам физический вред.

Несмотря на холод на улице и в пустом доме, на лбу у моего собеседника выступили капельки пота. Я подвела его к одинокому стулу, и он тяжело сел.

– Извините, – сказал он. – Просто я... напуган.

«Я тоже», – чуть не вырвалось у меня.

– Вам принести воды?

Он покачал головой.

– Но спасибо. Мне действительно станет лучше, если вы скажете, что поможете мне.

Я скрестила на груди руки.

– Думаю, вы должны рассказать мне больше, чем просто «встретимся у мавзолея». Вы должны рассказать мне всю историю, ничего не скрывая, договорились?

Энтони положил костыли на пол, откинулся на спинку стула и вытянул перед собой ноги.

– Марк приобрел плантацию потому, что думал, будто именно там спрятаны алмазы Конфедерации.

– Это я знала, но не знала, почему. Что навело его на такие мысли? – спросила я, остановив взгляд на одном из апельсинов: расстояние между гвоздиками на нем было нарушено.

– Думаю, по той же причине, что и все в то время... все эти слухи о предке-конфедерате Вандерхорсте, который якобы спрятал бриллианты. Но когда Марк собирал материал для своей книги о нашем предке Джозефе Лонго, он обнаружил в архивах Чарльстонского музея деловой дневник Джозефа. Поскольку он знал, что Джек работает над книгой на ту же тему, он вырвал страницы... – Энтони умолк, как будто ему было стыдно за брата. – И уничтожил их. Но их оказалось достаточно, чтобы убедить Марка в том, что алмазы закопаны где-то на территории плантации – или были там закопаны до того, как их перевезли в ваш дом.

Не удержавшись, я подняла апельсин с криво торчащей гвоздикой и вытащила линейку. Энтони умолк, и когда я посмотрела на него, то поймала на себе его недоуменный взгляд.

– Это украшения для рождественского ужина. Вы когда-нибудь видели, чтобы в апельсины втыкали гвоздику, чтобы получились помандеровые шары?

Он медленно кивнул.

– Конечно. Но никогда... чтобы с точностью до миллиметра.

Я сердито посмотрела на него.

– Вы что-то говорили о том, почему Марк решил, что бриллианты спрятаны в Галлен-Холле.

– Верно, – сказал он, отводя взгляд от того, что я делала. – Джозеф скопировал в свой дневник некий странный рисунок, какие-то каракули. По-видимому, будучи на вечеринке в доме Вандерхорста на Трэйд-стрит, Джозеф поводит носом и нашел на столе мистера Вандерхорста старый лист бумаги с этими странными каракулями, и скопировал их в свой дневник. Марк показал мне копию только один раз. Я подумал, что это похоже на иероглифы, но Марк сказал, что это доказательство того, что Вандерхорсты спрятали в одном из своих домов что-то ценное. И, правда, зачем возиться и придумывать шифры, если вы не прячете что-то ценное, верно? Марк предположил, что это алмазы... он подумал, все дело в истории о капитане Джоне Вандерхорсте, которому после войны доверили сохранность алмазов и который снова появился в Чарльстоне уже без них.

– Да, теперь мы знаем, что бриллианты действительно были и их спрятали в напольных часах. Но почему он считает, что в мавзолее может быть спрятано что-то еще?

– Потому что, когда Марк узнал, что Джек работает над новой книгой, он решил, что, возможно, это продолжение, и захотел убедиться, что он сам все знает, а Джек не найдет ничего нового. Итак, он вернулся к своим заметкам и увидел, что на той же странице в дневнике Джозефа Лонго он также скопировал слова «французское сокровище». Не уверен, что имелось в виду под словом «французское», но что такое «сокровище» – и так ясно. Марк думал то же самое. Бриллианты Конфедерации были получены не из Франции. Вероятно, поэтому он не стал придавать этим словам особого значения при поиске алмазов.

Я наклонилась, заглянула в коробку с апельсинами и с помощью линейки проверила положение зубчиков гвоздики.

– И? – подсказала я, вновь ощутив на себе его взгляд.

Он прочистил горло.

– Марк не понял, что означает рисунок, это я точно знаю. Он не просил меня о помощи, потому что в таком случае ему бы пришлось делиться со мной найденным сокровищем. Но это не помешало ему вести поиски. Он довольно сильно разворотил Галлен-Холл и прошелся с металлоискателем по всем этажам и стенам в поисках того, что могло быть «французским сокровищем».

Закончив с апельсинами, я принялась расхаживать по комнате, собирая с голого деревянного пола ворсинки.

– Боюсь, вы меня плохо слушали. Все бриллианты найдены и учтены. Больше нет никаких сокровищ. И вы до сих пор не сказали, какое это имеет отношение к мавзолею.

Он сел прямо и оперся локтями о колени.

– Вы ошибаетесь. Может, не по поводу бриллиантов, а по поводу того, что где-то спрятано еще одно сокровище.

– Я не...

Энтони поднял руку.

– До того, как мы с Марком поссорились, мы были в библиотеке в Галлен-Холле, курили сигары и пили бурбон. Марк всегда быстро пьянел, и это единственная понятная мне причина, почему он мне это рассказал, – и я серьезно сомневаюсь, что он это помнит, иначе бы он давно сжег дом и все остальное, лишь бы это не принадлежало мне.

Он умолк и потер большую руку.

– Что еще он вам рассказал?

– Он сказал, что точно знает, что на земле Вандерхорстов есть еще какие-то спрятанные сокровища.

Я нахмурилась.

– То есть вы думаете, что он нашел еще один алмаз?

– Нет. Он бы неделями хвастал по этому поводу. Несколько месяцев назад, когда он узнал, что Джек уже работает над новой книгой, он пошел в архив, где нашел дневник Джо-

зефа Лонго и личную переписку семьи Вандерхорстов начиная с 1781 года, то есть со времени оккупации Чарльстона, если вы вдруг этого не знаете.

Я лишь кивнула, не желая показывать, что я понятия не имею, что он имел в виду.

– Он даже украл эти письма из архива – на тот случай, если в них есть нечто такое, что Джек может использовать для своей книги. Но когда Марк их прочел, то обнаружил совершенно другое.

Теперь я вскипела, уже из-за Джека. Мы всегда знали, что Марк – негодяй, но нам казалось, что мы видели всю глубину его непорядочности. Судя по всему, не всю.

– Что-что? – сказала я.

– Это было упоминание о том, что необходимо подготовить комнату для важного гостя из Франции, который хотел возложить венок на могилу дочери Вандерхорстов, Мари Клер. Марк указал, что Вандерхорсты, как и большая часть колонии Южная Каролина на тот момент, были лоялистами. А французы были заклятыми врагами британцев. Так зачем французу посещать Вандерхорстов? Чтобы возложить венок на могилу дочери, которой никогда не существовало?

Энтони приподнял бровь.

– Марк показал мне генеалогическое древо, он был одержим идеей поиска спрятанных сокровищ и сделал свой собственный, очень сложный чертеж. У Вандерхорстов было шестеро сыновей, но только два из них дожили до совершеннолетия. И давайте не будем забывать слова «французское сокровище», которые Марк обнаружил в дневнике Джозефа.

Я заморгала.

– Значит, судя по рисунку и письму с неверной информацией, он считал, что где-то на земле Вандерхорстов спрятан клад? Лично мне это кажется большой натяжкой.

– Да, как и то, что в вашем доме нашли алмазы Конфедерации, – сказал Энтони и одарил меня сардонической улыбкой. – Но это еще не все. Марк считает, что рисунок как-то связан с кирпичами внутри мавзолея. Он уже вскрыл пол мавзолея, все искал и искал, но вернулся с пустыми руками. Ради удобства раскопок он хотел снести весь мавзолей, но местные краеведы не позволили ему это сделать. Судя по всему, мавзолей находится под защитой Закона об охране археологических ресурсов, который требует получение федерального разрешения на раскопки или удаление материальных останков прошлой жизни или деятельности человека. Мы не можем даже прикоснуться к нему.

– Но вы, конечно же, уже провели ваши поиски.

Глаза Энтони потемнели.

– Я пробовал. Но там есть кто-то... что-то такое... что удерживало меня. Это самое странное, поскольку в прошлом я много раз бывал внутри мавзолея, и ничего странного не происходило. Но потом внезапно, когда я попытался войти и поискать еще раз, со мной что-то случилось. Меня как будто кто-то бил и царапал. И... – Он умолк и решительно покачал головой, словно пытаясь стряхнуть болезненное воспоминание. – Каменная крышка на одном из склепов частично соскользнула и разломилась, и такой обломок едва не упал мне на ногу. Вы знаете, какие тяжелые эти крышки? Такие так просто не соскальзывают. Мне хотелось верить, что я все это вообразил, но все мое тело было в синяках. – Он на мгновение отвел взгляд, но тут же снова посмотрел на меня. – А вся спина в кровавых царапинах. Под одеждой. Как будто кто-то провел ногтями по голой коже.

Я не стала притвориться, будто понятия не имею, что это могло быть.

– Когда это случилось? – уточнила я. Мой голос дрожал.

– Это началось примерно в то время, когда прошлой весной у нас были проливные дожди, помните?

Еще как помнила! Именно тогда мой сад на заднем дворе просел, обнажив скрытую цистерну. Явив взору то, что таилось там не меньше века.

Я кивнула. Мои мысли пробежали «марафон» разными маршрутами, изо всех сил пытаюсь избежать самого очевидного.

– И вы неким образом узнали, что Вандерхорсты девятнадцатого века использовали кирпичи мавзолея и старой кладбищенской стены, чтобы построить цистерну в своем доме на Трэдд-стрит.

– Верно. Совершенно случайно. По всей видимости, Марк уничтожил не все документы и письма, которые он выкрал из архивов. Одну стопку бумаг он оставил в обувной коробке в мусорном баке. К счастью, когда я обнаружил, что являюсь незадачливым владельцем обанкротившейся винодельни, и завладел помещением, я нашел этот бак в старом каретном сарае. Очевидно, тот, кто отвечал за вывоз мусора, просто забыл про него.

Энтони устало покачал головой, и мне стало его жаль оттого, что он рос с таким братом, как Марк Лонго.

– Объятый гневом и желая получить доказательства того, что Марк занимался чем-то незаконным, я просмотрел эти бумаги. Их было много, все как одна украденные Марком из архива. Увы, ни одна не имела отношения ни к нему, ни к его деловым операциям. Их все можно было спокойно отправить в мусорную корзину. Это объясняет, почему я не смог найти о плантации ничего интересного, когда попытался провести собственное исследование.

Так я узнал о кирпичах. Я просмотрел все документы, но это была лишь куча бухгалтерских книг со стоимостью всех строительных материалов и мебели для обоих владений Вандерхорста и дневник экономки о том, сколько чая и сахара она ежедневно брала из кладовки. Единственная интересная вещь, которую я узнал, это то, что на том месте, где сейчас стоит новый мавзолей, когда-то стоял старый, но по какой-то причине его снесли, а затем в течение двух лет после сноса отстроили заново. Одновременно кирпичную стену, окружавшую кладбище, заменили железной оградой. Вандерхорсты в то время строили дом на Трэдд-стрит, – вероятно, более раннюю версию вашего нынешнего дома, – и снесенный мавзолей и стена наверняка были дешевым источником кирпича.

Я вопросительно приподняла брови.

– Зачем они это сделали? Разве новый мавзолей был больше прежнего?

Энтони покачал головой.

– Нет. В том-то и дело. Оба раза они работали по одному и тому же чертежу. И он был практически новым. На тот момент там было захоронено только три тела – все они были погребены в одном и том же году, в 1782-м.

Я перестала расхаживать взад-вперед.

– Пожалуйста, скажите мне, что обувная коробка все еще у вас.

Взяв один из апельсинов, Энтони принялся его разглядывать. Мне потребовалась вся моя сдержанность, чтобы не попросить его не прикасаться ни к одной из гвоздик.

– Конечно. Я не такой, как Марк. Я никогда не уничтожил бы исторический документ. Это было бы просто... нехорошо.

Я решила, что Энтони Лонго мне очень нравится.

– Могу я увидеть эту обувную коробку?

Он принялся перебрасывать апельсин из одной руки в другую. Я стиснула зубы.

– Это означает, что вы все еще готовы помочь?

Я была почти уверена, что выбора у меня нет. Внутренний голос подсказывал мне, что происходящее в его мавзолее неким образом связано с моей цистерной и призраком в спальне Нолы. Я разжала челюсти.

– Да. Полагаю, да.

Он улыбнулся и встал.

– Тогда не стану вам мешать. Я доставлю коробку к вам домой, когда вам будет удобно. Или выставлю ее рядом с домом, если Джейн там.

Я нахмурилась.

– А не могли бы вы доставить ее ко мне в офис? Можете оставить ее у Джолли. Она полностью заслуживает доверия.

Он выглядел разочарованным, но дружба с Томасом Райли обязывала меня не поощрять другого поклонника Джейн.

– И, Энтони?

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Не говорите никому, что я вам помогаю. Не хочу, чтобы люди знали об этом.

Пару секунд Энтони молча смотрел на меня.

– Понял, – сказал он, кивнув, затем поднялся на костылях и направился к входной двери в восьмиугольном проходе. Его размеры, в отличие от остальной части дома, не соответствовали историческому периоду. Я чуть не прикусила язык, поймав себя на том, что начала думать совсем как Софи.

– На вашем месте я бы не стала есть этот апельсин. Он был специально высушен, – сказал я, глядя на фрукт, который он все еще держал в руке.

– Ах да, – сказал он и бросил апельсин мне.

Странно, но я изловчилась его поймать.

– И последнее.

Он смерил меня еще одним вопросительным взглядом.

– Будьте осторожны. Пока я не придумаю план, я бы на вашем месте держалась от мавзолея подальше.

Мы попрощались. Проводив его взглядом, я закрыла за ним дверь. Когда я повернулась, чтобы продолжить свою работу, все апельсины из коробки лежали на полу, аккуратно выстроенные так, чтобы получился идеальный крестик.

Глава 9

Когда я, неся коробку апельсинов и удовлетворенная точным расположением гвоздик, торчащих из их кожуры, запираю дом своих клиентов, меня кто-то окликнул. Обернувшись, я увидела дочь Вероники и подругу Нолы, Линдси Фаррелл, и ее отца, Майкла, которые выгуливали очаровательный снежно-белый лохматый комок – щенка хаски.

– Нужна помощь? – крикнул Майкл, взбегая по ступеням, чтобы взять у меня коробку.

– Спасибо, – ответила я. – Моя машина прямо здесь, но если вы сумеете всунуть в нее коробку, я буду вам признательна.

Я с помощью пульта открыла багажник, и, пока он ставил коробку внутрь, повернулась, чтобы поздороваться с Линдси.

– Рада тебя видеть. Нола не говорила, что у вас новый щенок.

Я наклонилась, чтобы почесать пушистый комок за ушами. На меня посмотрели неотразимо очаровательные голубые глаза, из пасти высунулся розовый язычок. С тех пор, как я обзавелась собакой, я стала чрезмерно замечать других собак. Я просто не могла пройти по улице, чтобы не улыбнуться им и не попросить у хозяев разрешения их погладить. Но я была бы посрамлена, узнай об этом Джек, поскольку моя официальная линия заключалась в том, что я не любительница собак. Хотя теперь у меня их было целых три, а один даже спал на моей подушке. Я не из тех, кто любит показывать, что они ослабили какие-либо свои личные правила.

– Это мамин подарок на день рождения. – Линдси наклонилась и заговорщицки прошептала: – Отец не слишком рад, но я всегда хотела собаку. Его зовут Призрак.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Призрак?

– Да. Ну, вы знаете. Как в «Игре престолов».

Я тупо уставилась на нее.

– Как в сериале по книгам Джорджа Р. Мартина, – подсказала она.

Мне это тоже ни о чем не говорило. Было видно, что она готова закатить глаза, но, поскольку я была мачехой Нолы и взрослым человеком, она не стала этого делать.

– Да, сейчас, когда мне приходится совмещать уход за детьми и работу, у меня не так много свободного времени.

– А еще дом, – сказала она. – Отец говорит, что жить в историческом доме – это все равно что жить с упрямым толстым комаром с дырой в животе, который все время высасывает вас насухо.

Я изобразила ужас, пытаясь забыть, как когда-то думала то же самое. И даже сейчас время от времени, например, когда Софи объявила, что у нас на передней веранде гниль и нам нужно восстановить древесину, а не заменять ее на что-то менее уязвимое для природных стихий. В смысле, на что-то, что не было деревом.

– Вы правильно поняли, – сказал Майкл, подходя ближе, и подбородком указал в сторону машины. – Обучаетесь новым фокусам с апельсинами?

Его тон был легким и непринужденным, но его взгляд – нет. Я не сомневалась, что он отлично помнит про апельсин, брошенный в него в моей столовой.

Я притворилась, будто в первый раз об этом слышу.

– Вообще-то это украшения для рождественского ужина. Поскольку в вашем доме будут подавать десерт, я собиралась позвонить Веронике, чтобы узнать, могу ли я попасть к вам домой, раз уж мы совсем рядом. Софи попросила меня снять размеры каминов, – она хочет знать, сколько гирлянд нам понадобится, – и осмотреться вокруг на тот случай, если нам понадобится что-то еще. Ваш дом викторианский, поэтому он будет немного отличаться от остальных

ных. Я не совсем понимаю, что это за отличия, но я пообещала ей сфотографировать его на свой телефон, а она потом пусть решает сама.

– Я могу это сделать сам, – пообещал Майкл. – Или Вероника. Вам не нужно тратить на это время.

Я была готова согласиться, зная, что у меня будет достаточно времени, чтобы перед встречей в офисе зайти в «Глазированные пончики» за пончиком и латте. Но внезапный запах «Ванильного мускуса» заставил меня закрыть рот.

– Полагаю, Софи просто заставит меня вернуться и все переделать, так что лучше я сразу сделаю все так, как она требует. – Я изобразила широкую улыбку, вспомнив то, что однажды сказал обо мне Джек. – Вы же знаете, какими бывают некоторые люди. У них все должно быть в идеальном порядке, сделано в точности так, как это сделали бы они сами, а на меньшее они не согласны.

– Мамы нет дома, но входная дверь не заперта, если вы не хотите ждать, пока мы закончим прогулку с Призраком, – предложила Линдси.

Майкл было запротестовал, сказал, что пойдет со мной, но я его перебила. Я до сих пор не могла понять, почему не хочу оставаться с ним наедине, и поэтому сосредоточилась на воспоминании о брошенном в него через всю комнату апельсине.

– Не смешите меня! У меня и в мыслях нет надоедать вам или вторгаться в вашу семейную жизнь. Обещаю действовать быстро, и когда вы вернетесь, меня, наверное, уже не будет. Было приятно увидеть вас обоих, – весело сказала я, пытаюсь не обращать внимания на ледяное прикосновение ладони к моей руке.

Я прошла три квартала до желтого викторианского дома на Куин-стрит. Я проходила мимо него много раз и сейчас вспомнила, как ходили слухи о том, что он был выставлен на продажу после того, как его бывшие владельцы, родители Вероники, переехали в жилой комплекс для пенсионеров. Но потом его решили не продавать – в нем поселились Вероника, Майкл и их единственный ребенок, Линдси. В то время я, конечно, ничего об этом не знала, поскольку еще не встретила свою однокурсницу по колледжу, но я вспомнила этот дом.

Это был красивый особняк в стиле королевы Анны с асимметричным фасадом и внушительным фронтоном. До знакомства с Софи я просто назвала бы такой дом старым и продемонстрировала бы его любому покупателю, заглянувшему ко мне в офис в поисках кусочка истории Чарльстона, независимо от того, какой период этот покупатель предпочитал. Большинство покупателей разбирались в исторической архитектуре ненамного лучше, чем я, а единственным препятствием для покупки обычно была запрашиваемая цена. Хотя многие такие дома требовали капитального ремонта, цены на них все равно были выше, чем в новом доме с четырьмя спальнями в Покипси. Но желание людей владеть историческим домом в Священном городе давало мне работу, чему я была очень благодарна, даже если не совсем это понимала.

Пройдя в парадные ворота, я поднялась по ступеням к крыльцу. Не имело значения, была ли дверь заперта или нет, потому что она открылась сама еще до того, как я подошла к ней. Холодный воздух пропитался тяжелым ароматом «Ванильного мускуса». Это был дом, в котором выросли Вероника и ее сестра Адриенна. Хотя Адриенна была убита, когда жила в общежитии Чарльстонского колледжа, было логично предположить, что этот дом, о котором у нее наверняка было столько счастливых воспоминаний, будет тем местом, куда она вернется.

Викторианская архитектура с ее интерьерами, пристрастием к темному дереву, тяжелым тканям и несочетаемым узорам была наименее любимой в моем ассортименте старых домов. Стоя в арочном дверном проеме, ведущем из небольшого вестибюля в гостиную, я затруднялась сказать, нарочно ли интерьер оформлен «под старину» или просто был устаревшим. Кроме крепкого аромата «Ванильного мускуса», в воздухе комнаты ощущалась затхлость давно

пустующего помещения. Все тепло прошлых лет и намеки на семейный уют давно покинули этот дом.

Я вспомнила один из предыдущих разговоров с Вероникой. По ее словам, Майкл хотел продать дом, говоря, что ремонт – слишком дорогое удовольствие. Но после того как на чердаке была обнаружена коробка с вещами Адриенны, находившимися в ее комнате в общежитии на момент ее смерти, а также новая подсказка в виде кулона, Вероника даже слышать не хотела ни о какой продаже.

Я вытащила рулетку – я всегда ношу ее с собой вместе с линейкой, ибо эти вещи всегда могут понадобиться – и айфон, чтобы в соответствии с указаниями Софи измерить каминные полки и сделать снимки. Кстати, как здорово, что у меня теперь есть Нола, мой персональный менеджер по современным технологиям. Я никогда не дружила с электронным оборудованием, в основном потому, что устройства почти всегда вырубались или теряли мощность, стоило мне слишком близко подойти к одиноким духам, требующим моего внимания. Но даже Нола была убеждена, что я в состоянии управлять функцией камеры на моем телефоне, и что даже если моя камера прикажет долго жить, фотографии будут сохранены где-то в облаке, чтобы я их не потеряла. Я решила, что мне не обязательно знать, как это все работает, главное, чтобы оно работало исправно.

Я шагнула в гостиную и, быстро измерив и записав ширину каминной полки, направила камеру на резной камин с волнистым зеркалом над ним. По обоим краям камина стояли мраморные вазы. Я очень надеялась, что в них нет золы, потому что Софи наверняка потребует, чтобы я посадила в них какие-нибудь комнатные растения.

Явно сопровождаемая неким духом, я через открытые двери прошла в столовую, а затем в ужасно старомодную кухню. Стены были оклеены блестящими обоями в цветочек, в тон бытовой технике и ламинированным столешницам цвета золотой пшеницы и зеленого авокадо. Хотя кухня требовала полной замены всего оборудования и некоторого косметического ремонта, потенциальные покупатели выстроились бы в очередь в надежде на то, что им посчастливится назвать этот особняк своим домом. Они неизменно спрашивали, есть ли в доме привидения, – одни с энтузиазмом, другие с опаской, – и я лишь тихонько посмеивалась, реагируя на их слова как на шутку, ведь, как известно, никаких призраков не существует.

Я принялась и тотчас ощутила запах знакомых духов. Интересно, почему Адриенна решила не показываться мне? Может, это как-то связано с присутствием других призраков, которое я ощущала, причем не столь дружелюбным? Тем, чей мрачный и сердитый голос раздался из уст моей матери, когда она взяла найденный на чердаке кулон. Мать сказала бы, что Адриенна сэкономила энергию на случай, если та понадобится ей, чтобы защитить меня.

Я продолжала измерять и фотографировать нижний этаж. Мой риелторский мозг автоматически производил расчеты, необходимые для обновления дома, не только для более комфортной современной жизни, но и для перепродажи. Проходя через небольшое фойе к входной двери, я поймала себя на том, что на миг задержалась внизу лестницы. Широкие ступени были покрыты темным деревом и мрачным цветочным узором. Тяжелая деревянная балюстрада тянулась над ступенями вверх, где под блестящим витражом сворачивала на лестничную площадку и вела дальше на верхние этажи и чердак.

Это не было ни приглашением, ни гостеприимством, тем не менее я ощутила сильный толчок в спину, направивший меня вперед. Когда же я попыталась повернуть назад, то обнаружила, что чьи-то невидимые руки заблокировали мне путь.

– Ладно, – пробормотала я. – Давай, покажи мне то, что ты хочешь, чтобы я поняла, но ничего не могу обещать. Разве что расскажу сестре и матери, чтобы они попытались помочь тебе, если смогут. Вот и все.

Джейн рассказала мне, что их ссора с детективом Райли возникла из-за ее настойчивых требований дать рекламу своих способностей. Он же сказал, что это даст повод разного рода

чокнутым вылезти из щелей, чтобы отравлять ей жизнь. В данном случае я была с ним полностью согласна. Верно, это отодвинуло бы расследование на второй план, как и любые другие нераскрытые дела, в которых он надеялся просить нас о помощи. В любом случае мне хватало собственных забот, и я не слишком переживала по поводу того, что мои способности нигде не задействованы. Не то чтобы призраки обращали внимание на мой тайм-аут.

Крепко держась за перила, я медленно поднималась по лестнице. Я отлично помнила другие лестницы в других домах и прекрасно знала: один сильный толчок, и вы можете кубарем покатиться вниз. Мне не хотелось повторять этот опыт. Старые деревянные ступеньки скрипели под ногами, и этот скрип наполнял мою душу дурным предчувствием. Я тотчас затосковала по полам в моем собственном доме, скрипевшим скорее приветливо, нежели пугающе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.